№ 37 (233) Пятый год издания. Цена в Москве, провинц. и на ст. ж. д. 10 коп.

ОГОНЕК

XX 237 147
Рпс 65162

ГОЛУБЕГРАММА

По всему Союзу молодежь увлечена разведением голубей. Осоавиахим, в целях военизации населения, направил это увлечение на путь почтового голубеводства. На-днях в Москве закончились состязания почтовых голубей на участке Можайск — Москва. На снимке: к лапке почтового голубя прикрепляется почтовое донесение—голубеграмма.

Фот. С. Фридлянда.

МОСКВА 9, ГОСИЗДАТ „КНИГА ПОЧТОЙ"

ЛЮБЫЕ КНИГИ ИМЕЮЩИЕСЯ НА КНИЖНОМ РЫНКЕ

ВЫСЫЛАЕТ НЕМЕДЛЕННО ПО ПОЛУЧЕНИИ ЗАКАЗА

При высылке всей стоимости вперед—пересылка бесплатно.

Единственный по своей легкости общий циферный самоучитель

ДЛЯ ГИТАРЫ

МАНДОЛИНЫ и БАЛАЛАЙКИ

с новыми песнями, романсами и проч. высылается за 2 р. 85 к.

ДЛЯ ГАРМОНИИ

(двухр.) такой же самоуч., с 30 музык. №№. Выс. за 2 р. 85 к. „Русско-Иностранная Книга". МОСКВА, ул. Герцена, д. 9/3.

ФОТО-ПОРТРЕТ

увеличение с любой карточки в паспарту и **БАГЕТНОЙ РАМЕ** 10×12 вершк.—5 руб., 12×14—8 руб.

НА БРОШКАХ И БУЛАВКАХ **ФОТО-ЭМАЛЬ**

Квадр., овальн. и кругл. формы от 1-5 см. Больш. 3 р., средн. 2 р., мал. 1 р. 50 к. Карточки высылайте без задатка (возвращу в целости). Москва 21, Дашков пер., д. № пять. В. Шиманскому.

ПРИ 3-х ЗАКАЗАХ—4-я БЕСПЛАТНО

СПУТНИК ДОМАШНЕЙ ХОЗЯЙКИ

Сост. Е. Г. УВАРОВА.

1000 кулинарных рецептов, с 95 рис. в таблицах. В роскошн. с золот. тиснен. переплете — **3 р. 50 к.** При высылке денег вперед, пересылка бесплатная. Высылается наложен. платеж.

АКЦИОНЕРНЫМ ОБЩЕСТВОМ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ ЛЕНИНГРАД, внутри Гостиного двора, № 123.

КАЖДОМУ НЕОБХОДИМО! КАЖДОМУ ДОСТУПНО!

„ПОЧТОВО-ПОСЫЛОЧНОЕ БЮРО"

По первому требованию высылает **ПОЧТОВЫМИ ПОСЫЛКАМИ** наложен. плат.

КРАТКИЙ ПРЕЙС-КУРАНТ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ:

Балалайки: с моск. колками—6, 6.25, 6.75, с механ. колк.—7.80, 8.65, 9.60, лучшие сорта—13 р., 15 р., высшие сорта—18 р., 20 р. **Гитары:** с моск. колк.—15 р., 18 р., с мех. колк.—19 р., 22 р. лучш. сорта—26 р., 30 р., высш. сорта—35 р., 40 р., концертные (с перламутром)—50 р. **Мандолины:** лучшие сорта — 25 р., 30 р., 35 р., высшие сорта—40 р., 45 р., концертные (с перламутром)—50 р., 60 р., **Гармонии:** Полувенки — 35 р., 40 р., венские двухрядные: 21 кл. 12 б. — 55 р., венские двухрядные—23 кл. 12 б.—75—80 р., венские шестипланочные—90 и 100 р. **Скрипки** (со смычком) — от 30—75 р. **Граммофоны:** однопружинные—65—75 р., двухпружинные—90, 100, 120 р., (граммофонные пластинки, пружины, (мембраны).

Все инструменты строго проверенные. Составление полного ансамбля великорусского оркестра.

Пионерские барабаны—15, 16, 19, и 25 р. **Пионерские горны** (с флажками—19.50, 23, 27, 30 р.

КЛУБНЫЕ ИГРЫ:

Шахматы—1.50, 2.50, 3, 3.75, 5, 7, 8, и 10 р. Доски шахматные—2, 2.50, 3 и 5 р. Шашки — 45 и 60 коп. Доски картонные—45 коп. шт. Домино—1.20, 1,50, 2.50 и 3.75. Лото—от 2.50—7 р. **Карманные электрофонари:** с рефл. стеклом—3.50, с боковым стеклом — 4 р. Запасные батареи—55 к. шт.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ:

Самовары никелированные, банкой—25, 30, 35 р. шт., рюмкой—30, 35, 40 р. шт., (подносы, полоскательницы, чайники). **Примус**—8.50. **Керосиновая кухня** (типа Герц, с 2-мя фитилями)—13.50 шт. (Ножи, вилки, ложки). **Портфели кожаные** — от 12—30 р. **Бритвы** загран. — 12, 15 и 20 р. шт., бритвы русские — 4, 6 и 7 р. 50 к. шт. бритвы безопасные — 5 р., 6.50 и дороже. **Бритвенные приборы** (никелевые) — 5 р. и 7.50. **Часы (ходики)**—5.50 и 6 р.

РАДИО:

Стандартные посылки (радиоприемник с монтажным материалом, приспособленный для слушания на дальнем расстоянии)—35, 40, 60 и 65 р. (Лампы, телефоны, детекторы, репродукторы, усилители, аккумуляторные и анодные батареи).

МЕСТКОМАМ и КОЛЛЕКТИВАМ СКИДКА 5%. Заказы исполняются быстро и аккуратно, наложенным платежом, по получении 25% задатка.

Пересылка и упаковка по себестоимости, за счет заказчика.

При высылке полной стоимости заказа вперед — **УПАКОВКА БЕСПЛАТНО.** Полный иллюстрированный прейс-курант: музыка, спорт, фотография, канцпринадлежности, карманные часы, хозяйственный отдел, радио, краски для материи, кожаные тужурки и пр. высылается за две восьми-копеечные марки, вложенные в конверт. Адрес для писем и денег: **МОСКВА, Гл. Почтамт, ящ. 1031 „ПОЧТОВО-ПОСЫЛОЧНОЕ БЮРО".** Адрес для телеграмм: **МОСКВА—„ПОСЫЛКА".**

ИСПЫТАННЫЕ СРЕДСТВА ЛАБОРАТОРИИ КООП. Т-ВА

„ЭЛЭМ"

МОСКВА. МАЛ. ДМИТРОВКА 17

Единственно настоящий ДЕПИЛЯТОРИЙ W. M.—порошок для уничтожения волос, где того требует красота и гигиена тела. родажа в зеленых коробках. Ц. 1 р. 25 к., 2 р. 50 к. и 4 р. 50 к. Рост волос замедляется. **РОССЕТЕРСКИЙ ВОССТАНОВИТЕЛЬ поседевших волос,** фл. 2 р. **КРЕМ ДЛЯ БРИТЬЯ** „Elem Euxis" без воды, без мыла, без кисточки, экономия времени, туба 90 к. Высыл. только по получен. 25% стоимости. Продажа в аптеках, магазинах санитарии и гигиены.

УЧИТЕСЬ САМИ

играть с помощью самоучителей по нотно-цифровой системе:

НА ГАРМОНИКЕ

Самоучитель **Сергеева и Голубева** для венской двухрядной, русского или немецкого строя, в 21 клавиш и 12 басов, с приложением 20-ти пьес (песни революции, новобытовые и танцы), ц. 1 р. 75 к. 2 альбома пьес (по 10 №№). Цена каждого альбома—75 к.

НА БАЛАЛАЙКЕ

Самоучитель **Илюхина**, ц. 1 р 50 к. 2 сборника песен, цена каждого сборника—60 к.

НА МАНДОЛИНЕ

Самоучитель **Петрова**, ц. 1 р. 50 к. 18 альбомов от 50 до 75 к. за каждый альбом.

НА ГИТАРЕ

Самоучитель **Успенского**, ц. 1 р. 75 к. 6 альбомов от 50 к. до 75 к. за каждый альбом. Самоучитель **Любавина** (только по цифровой системе — 2 р. Альбом Любавина (только по цифровой системе)—2 р.

СТРУНЫ

и мелкие музыкальные принадлежности для всех инструментов, а также:

БАЛАЛАЙКИ, МАНДОЛИНЫ и ГИТАРЫ.

Самоучители, струны и инструменты высылаются по первому требованию наложенным платежом. Заказы до 5 руб. высылаются без задатка, свыше 5 р.—по получении задатка в размере 30% суммы заказа.

Пересылка за счет заказчика.

Заказы направлять по адресу: **Москва** (центр), Неглинный, 14/10

МУЗСЕКТОР ГОСИЗДАТА

ИЗУЧИТЬ

бухгалтерию, стенографию, каллиграфию (исправл. почерка) рисован. шрифт. **МОЖЕТ КАЖДЫЙ У СЕБЯ ДОМА без помощи учит.** Подробн. сведен. высыл. бесплатно. **ЛЕНИНГРАД, пр. Володарского, 58. Книжн. дело „ПРАКТИЧЕСК. ЗНАНИЯ".**

УМЕНЬЕ ГОВОРИТЬ публично. Миртов—75 к.

Ораторск. искусство в помощь молодому оратору. Аджаров—85 к.

Азбука умствен. труда Ребель кий—75 к.

ТЕХНИКА РЕЧИ Сережников—1 р. 50 к.

Творческая фантазия Ферстер—50 к.

Что нужно знать начинающему писателю. Крайский—60 к.

КАК ЧИТАТЬ книгу и газету. Сычев—60 к.

и **ВСЕ** книги **ВСЕХ** издательств высылает нал. плат. без задатка Кооперат. Т-во „СОТРУДНИК ПРОВИНЦИИ". МОСКВА 9, ул. Огарева 3.

НЕСМЫВАЕМАЯ ЖИДКАЯ КРАСКА

ДЛЯ БРОВЕЙ РЕСНИЦ ВОЛОС И УСОВ

ХНА-БАСНОЛЬ ПРОВИЗОРА М. ЛИПЕЦ

Моментально окрашивает в любой цвет, ничем не отличающийся от натурального. Не смывается мылом в течение м-ца. Не пачкает лица и платья. Безвредна. Разрешена Мосздравотделом. Способ применения прост. Высылается почтой наложенным платежом без задатка. **При выписке нескольких флаконов за пересылку не платят** Коробка для бровей большая — **2 р. 50 к.**, малая—**1 р. 50 к.**, для волос всех цветов—**3 р.**

Москва 34, Гагаринский пер. д. № 23, кв. 36/3. Провизор М. ЛИПЕЦ

Проф. Г. ВАН-ЛУН.

„ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА"

В 2-х том., 500 стр. больш. форм., с многочисленными иллюстрациями Перевод с последнего английского издания, разошедшегося в кол. **1.000.000** экз. **Цена за 2 т.—4 р.** **ЛЮБУЮ КНИГУ, как старую, так и новую, высыл. налож. платеж. в 3-дн. срок.** Заказы, запросы, деньги адресовать: **Москва**, Центр, Политехнич. музей, п. 116/п. **„Культура и Знание".** При высылке денег вперед (можно марками) пересылка бесплатно.

ПРЕСТУПНЫЙ МИР МОСКВЫ

С фотографиями и рисунками. Сборник. Краткое содержание: **Грабители и бандиты. Убийцы. Рецидивисты. Воры. Мошенники.** Самогонщики. Криминальные психопаты. „Дети-преступники". Татуировка в местах заключения.

Цена 3 р. 60 к.

Заказы направл.: Кооперат. издат. „ПРАВО и ЖИЗНЬ". МОСКВА 34, ул. Кропоткина 17, 1. При высылке денег (или марок вперед пересылка бесплатно

Уроки бухгалтерии

Заочно, поср. переписки по почте, дает главбух-преподаватель. Курс 3 мес. Плата 5 р в мес. Успех обеспечен. Новороссийск, ул. Пар. Коммуны, 44, С. Л. Литман.

ЗАОЧНЫЕ

Промышл.-Экономич. и Художеств.-Технические Курсы

„Полиглот"

По окончании курса учащиеся подвергаются испытанию в спец. квалификац. комиссии и

получают соответствующее СВИДЕТЕЛЬСТВО

Требуйте бесплатно проспект и условия

Адрес: Ростов н/Дону

ПЛАТА ПОМЕСЯЧНО от 1 до 3 рублей.

Полная общедоступная Школа Электротехники

В ТРЕХ КНИГАХ

С многочисленными рисунками. Перевод нового популярного труда немецкого ученого Ганса Гюнтера Все книги напечатаны и высыл. за 5 р. 50 к. Заказы и деньги адр.: **МОСКВА, улица Герцена, д. 9/3 „РУССКО-ИНОСТРАННАЯ КНИГА".**

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗ.

не следует изучать по устарелым методам. Лучшим признан новый метод **Мертнера**, не требующий заучивания слов и правил. **Немецкий самоучитель**, реком. Всер. К-ом содействия пром.-экон. образ. и доп. Гос. Уч. Советом, высыл. за 2 р. 85 к. Такой же **Английский самоучитель** высылается за 3 р. 15 к. **МОСКВА, ул. Герцена, 9/3 „Русско-Иностранная Книга".**

НОВАЯ КНИГА

ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИК

Все ремесла в одной книге плотничьи, столярн., токарные, по отделке деревянных изделий, корзиночные, бочарные, картонажные, переплетные, проволочные, кузнечные, слесарные, токарные по металлу работы, паяние, лужение, никелирование, выделка овчин, варка мыла, выделка щеток, кистей, веревок, производство крахмала, зеркальные, обувные, гончарные, печные, малярные, и штукатурные работы, изготовление детекторного радиоприемника.

Со 148 рисунками. Цена с пересылкой 3 р. 50 к., можно посыл. мелкими почт. марк.

Заказы и деньги направл.: Книжн. склад „КНИГОВЕД" Москва, 19. ул. Герцена, 22.

Рекламбюро „ОГОНЕК" Москва Тверской бульвар 26 Тел. 3-91-48.

ОГОНЕК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 37 (233). 11 сентября 1927 г.

НОВОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НЕ ДОПУСТИМ!

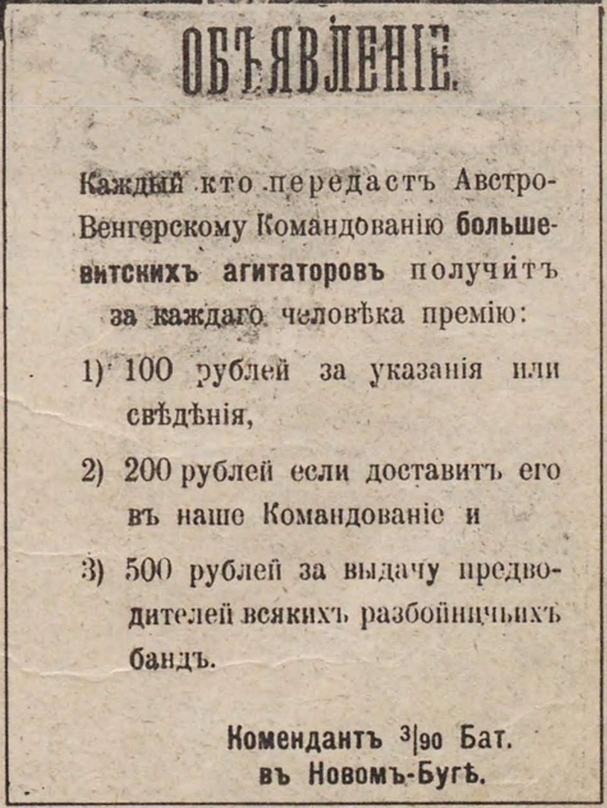
Отряд броневика „Коммунист“ Коростельского района. В рядах отряда было много железнодорожников.

Немецкие оккупанты в Киеве.

Убивший немецкого генерал-фельдмаршала Эйхгорна Дмитрий Донской.

Соревнование на сборку винтовки в противогазах в стрелковом кружке.

Табукашвили, начальник броневика „Коммунист“, убитый в 1921 году грузинскими меньшевиками.



ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Каждый кто передастъ Австро-Венгерскому Командованію большевитскихъ агитаторовъ получитъ за каждаго человѣка премію:

1) 100 рублей за указанія или свѣдѣнія,

2) 200 рублей если доставитъ его въ наше Командованіе и

3) 500 рублей за выдачу предводителей всякихъ разбойничьихъ бандъ.

Комендантъ 3/90 Бат.
въ Новомъ-Бугѣ.

„Неделя обороны“ нашей страны вызвала всюду широкий отклик в сердцах трудящихся. Юго-западные железнодорожники по своему печальному опыту знают более, чем кто-либо, многих интервентов.

Железнодорожники еще прекрасно помнят германо-австрийскую оккупацию в 1918 г., оккупацию Бессарабии в том же 1918 г. в самый разгар политических событий на Украине; присоединение Бессарабии к Румынии; союзный десант в 5000 зуавов в Одессе и нашествие белополяков в 1920 г.

Со всеми этими оккупантами, которые грабили железнодорожное имущество, рабочих и крестьян, юго-западники вели ожесточенную борьбу, и история гражданской войны этого периода дает нам много прекрасных страниц, рисующих героическую борьбу против интервентов.

Всюду юго-западники были на одном из первых мест.

Достаточно лишь вспомнить знаменитую июльскую забастовку 1918 г. при немцах, борьбу железнодорожников, действовавших против румын с помощью бронепоезда и автоброневика под Тирасполем, и убитых и повешенных французскими оккупантами в Одессе.

Юго-западники помнят все это, и в любой момент, по призыву партии и Советской власти, опять, как в былое время, возьмутся за винтовку.

Именно поэтому „Неделя обороны“, проводимая у нас сейчас, вызвала среди них широкий отклик и энтузиазм.

По призыву Доркпрофсожа, отчислившего 5000 р. на самолет „Юго-Западник“ и издавшего однодневную газету, сейчас проходит на дороге широкая кампания „Недели обороны“. Рабочие отчисляют однодневный заработок, и есть немало случаев, когда они просят производить с них постоянные отчисления на оборону Советской страны.

Юго-западники хорошо знают, что в нужный момент они вновь выступят на защиту Советской власти. Поэтому, помимо отчислений, они изучают военное дело, чтобы встретить врага в полном всеоружии. На дороге развернуто около 100 стрелковых кружков с охватом 5000 человек, имеется 20 оборудованных тиров, 140 винтовок и т. д.

Юго-западники из своих 60-тысячных рядов выдвинут не одну сотню и тысячу метких стрелков и, как прежде, в годы гражданской войны и интервенции, по первому призыву, грозной стеной станут на защиту подступов к Советскому Союзу.

Н. Маловажный.

Не хуже других. Вновь избранный президент Латвийской республики Густав Зен-

галес идет по стопам великих мира сего. Великие же мира сего, как, например, Муссолини, Кулидж и др., ужасно любят сниматься в позах людей, работающих в поле или в саду.

На снимке: Зенгалес копает грядку в своем саду.

■

Новая креатура Англии. На снимке—наследник престола Кореи—принц Гин-Ри. С одиннадцати лет Гин-Ри почти непрерывно находится в Англии. Сейчас ему 26 лет. Он окончил

целую серию английских учебных заведений, и английский дух в нем укоренился прочно. Англичане имеют, должно быть, полное основание рассчитывать на преданность своего воспитанника.

Вручение вверительных грамот. 29 августа в Большом Кремлевском дворце, председатель ЦИК СССР тов. М. И. Калинин принял вновь назначенного

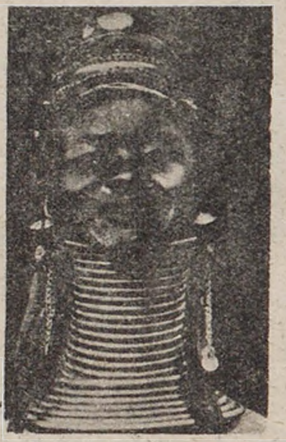
полномочного представителя Народной Тувинской республики гр. Пупцук, вручившего ему свои вверительные грамоты.

Тов. Калинин и тувинский полномочный представитель обменялись весьма дружественными речами.

На снимке: слева—посол Тувинской республики.

■

Причуды мод в Бирме. В Бирме (Индокитай) туземцы находятся еще на заре человеческой культуры. Это не мешает, однако, местным жен-



щинам перещеголять в смысле нелепости мод всех европейских модниц. Как видно на снимке, туземные красавицы носят воротники из согнутой спиралью толстой медной проволоки. Эти воротники весят 12 фунтов и обычно значительно выше, чем шея томящейся в них модницы. Воротники эти часто служат причиной тяжелых искривлений ключицы и скулы. Это не мешает, однако, местной франтихе почувствовать себя глубоко несчастной, увидев соперницу в более высоком воротнике.

■

С настоящим номером журнала рассылается очередная книжка Библиотеки „Огонек"— **Э. Распе—„Вечера барона Мюнхгаузена"**. Это — оригинальная книжка, переведенная на все языки и имеющаяся в библиотеках всего мира. Приключения и путешествия, приписываемые знаменитому барону, до сих пор еще могут служить классическим образцом самого

беззастенчивого, переходящего всякие границы, лганья. Книжка имеет несомненное художественное значение и читается с большим интересом.

■

В Библиотеке „Огонек" вышла книжка юмористических

рассказов **Мих. Козырева** „Именины". Книжка весьма удачна. Рассказы, вошедшие в нее, показывают, что автор хорошо знает отрицательные или просто смешные черточки нашего быта и высмеивает их не трафаретно, а свежо, с подкупающей прямотой.

Книжка М. Козырева рассылается с настоящим номером журнала.

Десять лет советского строительства. К 10-летию Октябрьской революции Издательство „Огонек" выпускает юбилейный сборник „10 лет Советского строительства". Сборник подводит итоги достижений во всех отраслях народного хозяйства и является ценным руководством для изучения советской страны. В сборнике статьи следующих авторов: **А. Н. Бах, Я. С. Ганецкий, С. С. Каменев, П. М. Керженцев, М. Е. Кольцов, Ю. А. Ларин, П. Н. Лепешинский, А. В. Луначарский, В. П. Милютин, В. А. Обух, Я. Х. Петерс, Ф. Ф. Раскольников, А. И. Рыков, Р. Л. Самойлович, А. П. Серебровский, Я. М. Шатуновский, В. В. Шмидт, Б. Е. Штейн и Я. А. Яковлев.**

■

■

Женщины о женщине в СССР. По инициативе сотрудниц редакции журнала „Огонек" к Всесоюзному с'езду работниц и крестьянок—членов Советов—(10 октября 1927 г.) номер „Огонька", посвященный успехам женской самодеятельности за десять лет Октябрьской революции, будет сделан исключительно женскими силами. Весь литературный материал, фотографии, вся техническая работа редакции будет проделана только женщинами.

■

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК"

Н. А. Некрасов. Генрих Гейне. А. Аросев. М. Унамуно. Пантелеймон Романов. Козьма Прутков. Мустафа Кемаль-паша. Реффик Халид. Н. Карпов. Шарль Луи Филипп. Томас Манн. А. Новиков-Прибой.

Гомер. Жорж Занд. М. Сервантес. Пьер Мак Орлан. М. Зощенко. Пантелеймон Романов. Л. Никулин. А. Беннет. Б. Келлерман. Т. Дынник. Сигрид Ундсет. Артем Веселый. Ефим Зозуля.

Алексей Толстой. Вольтер. Мих. Кольцов. Иосиф Уткин. Поль Моран. В. В. Вересаев. Рабиндранат Тагор. Э. Распе. А. Архангельский. С. Буданцев. Ирвин Кобб. И. Соколов-Микитов. Г. Даниловский. М. Козырев.

ВЫШЛИ В СВЕТ И ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

НАЙДЕН УБИЙЦА БОСТОНСКОГО АРТЕЛЬЩИКА!

По специальному поручению редакции журнала „Огонек“, наш берлинский корреспондент тов. А. Гроссманн, очерк которого мы здесь помещаем, отыскал архитектора, знавшего истинного убийцу бостонского артельщика. Фамилия архитектора известна редакции, но пока не подлежит огласке. Американский капитал казнил невинных Сакко и Ванцетти, но мы надеемся, что ложь буржуазной юстиции будет вскрыта, и ЦК МОПР'а сумеет разоблачить гнусных палачей.

Как уже кратко сообщил телеграф, в Берлине, за 24 часа до убийства Сакко и Ванцетти, когда уже была потеряна всякая надежда на спасение двух мучеников, появился человек, который совершенно неожиданно дал новый оборот делу Сакко—Ванцетти и вновь вселил надежду на спасение невинных жертв юстиции доллара.

Один русский архитектор сообщил берлинской газете „Фоссише Цейтунг“, что несколько лет тому назад, будучи в Италии, он в таверне, в Риме, встретил итальянца, который рассказал ему, что совершил неподалеку от Бостона убийство и ограбление, за которое теперь „два дурака“ расплачиваются тюремным заключением.

Германский МОПР тотчас же принялся за это дело. Сообщение русского архитектора было протелеграфировано Комитету защиты Сакко и Ванцетти. Все напрасно—это не могло спасти невинных.

Русский архитектор, важные показания которого, благодаря его преступной халатности, так запоздали, весьма сдержан. Из личных соображений он не хотел бы сообщать ничего, касающегося его личной жизни и даже своего имени. Несмотря на сильные затруднения, мне все же удалось связаться с ними и получить от него подробное описание упомянутого происшествия.

—С 1919 по 1922 год я был в Риме,—рассказывал архитектор мне,—где в 1920 г. окончил Художественную Академию, и с тех пор работал там в качестве архитектора. В конце февраля или в начале марта 1922 г. я отправился однажды вечером в таверну „Бора Нана“ или „Сестры Марии“, которая расположена против улицы Марбута. За соседним столом сидел посетитель, своей внешностью и платьем производящий впечатление американца. Я вступил с ним в беседу. Он рассказал мне, что долгие годы жил в Америке. По происхождению он итальянец. Его возраст я не мог определить точно,—думаю, что он был средних лет. Рост его достигал 1,65 метра, атлетические плечи, чисто выбритые щеки, черная шевелюра, слегка тронутая сединой, сросшиеся брови, и на одном из висков, я не помню на котором, своеобразная плешинка, резко отпечатлевшаяся в моей памяти. Мы говорили о разных разностях, и я сообщил ему о том, что я русский. Это его сильно заинтересовало, и он стал допытываться о том, как я отношусь к революции (в Риме тогда было мало русских, и, пожалуй, этим об'ясняется его повышенный интерес ко мне). Я ему сказал, что совершенно не интересуюсь политикой, что я, просто, художник, но как человек современный, конечно, симпатизирую новой России. После этого он мне сообщил о том, что он „анархист“. Это настроило меня несколько скептически. Мне показалось, что он хотел импонировать мне своей принадлежностью к политической организации. Около часу ночи мы ушли из таверны и стали прохаживаться по Виа Бобуино.

„Он стал доверчивым—несколько раз повторил мне, что он „анархист“, и рассказал мне даже, что два года тому назад организовал экспроприацию вблизи Бостона, во время которой несколько человек было убито. Ему самому удалось беспрепятственно выехать из Америки, и даже его сообщники, оставшиеся в Америке, не попали в руки полиции. За них отдуваются каких-то два простака.

„Он был хорошо одет. Казалось, у него много денег. По тому впечатлению, которое он произвел на меня, у меня не было основания сомневаться в его рассказе. Так как я не хотел иметь ничего общего с этим обстоятельством, то я не осведомился ни об его имени, ни об адресе. Я был того мнения, что такое знакомство для меня, как иностранца, может повлечь за собой неприятности; я ни в коем случае не хотел дать возможность привлечь меня свидетелем по этому делу.

Портрет убийцы, сделанный по памяти архитектором.

„Впоследствии я больше не вспоминал этой истории. Я уже пять лет в Германии, и только теперь узнал о деле Сакко и Ванцетти. Я не читаю газет и только изредка покупаю одну из них. Кроме того, я только недавно узнал, что Бостон—главный город Массачузетса. Только в течение последней недели я обратил внимание на разговоры окружающих меня людей по поводу Сакко и Ванцетти. После этого я прочел несколько газет и обратил внимание на связь между словами Бостон и Массачузетс. Это была первая ассоциация, заставившая меня вспомнить мой разговор с незнакомцем в таверне на Виа Марбута. Я заинтересовался и стал расспрашивать.

„С тех пор я твердо установил идентичность дела Сакко и Ванцетти с историей, рассказанной мне в Риме. Как только я окончательно убедился, что незнакомец из таверны — истинный убийца, я немедленно отправился в редакцию „Фоссише Цейтунг“ и рассказал все, что знал“.

— Что же вы предприняли, чтобы подвинуть это дело?

— С тех пор как я убедился в правильности моего предположения, я не находил ни минуты покоя. Вместе с членами комитета МОПР'а я осаждал американское посольство. Но все напрасно. Меня ни разу не приняли. На все телефонные обращения просто не отвечали. Поведение американского посольства служит лучшим примером того, что всякое доказательство невиновности Сакко и Ванцетти нежелательно, и что речь идет о чисто политическом акте мести.

— Ну, а теперь поможете ли вы доказать задним числом невиновность Сакко и Ванцетти, найдя истинного убийцу?

— Теперь, когда речь не идет больше о человеческой жизни, я бы не хотел персонально участвовать в этом деле. Кроме того, убийцу не трудно найти, во-первых, благодаря бросающейся в глаза плешинке на виске, во-вторых, потому что его хорошо знают в таверне“.

По моей просьбе В. К. взял лист бумаги и нарисовал мне по памяти портрет итальянского убийцы.

В германском комитете МОПР'а продолжают заниматься этим делом. Самым энергичным образом пойдут по следам для того, чтобы нанести тяжелый моральный удар кровавой американской юстиции, дав окончательное и неоспоримое доказательство невиновности Сакко и Ванцетти.

Ал. Гроссман.

МИЛЛИАРДЕР НА ОТДЫХЕ

Каждое незначительное событие повседневной жизни крупных капиталистов фиксируется об'ективами сотен фото-репортеров. Приводимый снимок изображает американского миллиардера Моргана со своим внуком, сходящих с парохода в Плимуте, куда они прибыли из Америки, чтобы отправиться на один из европейских курортов.

ЧУЖОЙ БЕРЕГ

Очерк *А. Зорича.*

В старое время переправу через Донец у Каменного Брода,—в месте, где сходились, образуя границами башмак, две крупных южных губернии, — держал помещик, местный туз и магнат и предводитель, с фамилией, которую не мог выговорить ни один мужик в районе: не то Ляуниц, не то Бляменфельд. Мужики же для простоты называли его „Кошкой“ — у помещика была подкрадывающаяся походка и странная болезнь глаз, при которой он видел предметы ночью лучше, чем днем.

Кошка владел паромом беспрерывно на протяжении десятков лет, спаивая перед торгами конкурировавших местных купцов и откупаясь взятками от земства, проектировавшего построить у Каменного Брода мост. Благими намерениями, как известно, вымощен ад: земский проект насчитывал без малого тридцать лет, шесть раз утверждался и потом внезапно отменялся почему-то в губернии и в области; из комиссий, ежегодно наезжавших на Донец, когда начиналась охота в заводях, свидетельствовать грунт, течение и берега, мог бы составиться уже целый полк сытых, здоровых и бездельных людей,—а работы все не начинались. Река текла все так же покойно и лениво, усыпая кувшинками цветущие берега, и все так же с'езжались к помещичьему парому и покорно ждали очереди и выправляли розовые билетики в будке окрестные мужики.

Переправа. Фото-этюд А. Милошевского.

Когда приезжали комиссии, помещик высылал за ними тройки к реке; сытые, стоялые кони вскачь брали крутой, обсаженный вербами, под'ем и, разбрызгивая желтую пену, шли по степи так, что захватывало дух, свистело в ушах, и хотелось распахнуть навстречу ароматному, опьяняющему ветру зачахшую в канцеляриях и за преферансом грудь. Комиссию поили в усадьбе редерером и особенным каким-то шабли, загадочные свойства которого были всем известны в губернии: голова от него становилась ясная и свежая, как-будто человек выкупался на рассвете в ледяном роднике, но к ночи деревенела, мгновенно заливалась свинцом, и после двух бокалов наотрез отказывалась нести туловище из-за стола. Кошка был гастрономом и держал на кухне французика с Монмартра и двух проевших состояния, обнищалых князьков; комиссию обкармливали каплунчиками, которые таяли во рту, как крем, трюфелями, салатами, александринками из собственных оранжерей, бескостной рыбкой в рейнском вине и пломбирами с печеньем, которое называлось „хворост рюсс“ и было нежно и невесомо, как мечта. Земцы, чиновники и инженеры отдувались тяжело, отирая усы и взмокшие лысины; глаза блестели сначала, потом меркли, соловели и становились тупы и неподвижны, как у переевшегося буйвола; живот тянул книзу, млели ноги, чесунчевые пиджаки облепляли тела. Хотелось спать, и становилось вдвойне безразлично, построят или не построят у Каменного Брода мост. Вечером их вели купаться в пруд, хозяин показывал столетние липы в парке, стадо швицов и симменталов с бубенчиками на рогах, газовое освещение в хлевах, иоркширов и английскую сноповязалку, и вскользь замечал, что из национальных хотя бы соображений нужно всячески поддерживать и поощрять вырождающиеся крупные хозяйства русских дворян. Потом день проходил в охоте, еще день — в пикнике на Донце, в том именно великолепном месте, где должны были строить проектируемый земский мост. Резные льежские ружья даже в руках слепого без промаха резали птичьи головки на пятьдесят саженей; рыба клевала так, как-будто она только ждала момента, когда земцы и инженеры пожелают на крючках вытащить ее со дна опостылевшей реки; замороженный крюшон леденил рты, и приятно кружил голову тончайший запах двадцатипятирублевых суматрских сигар. Хотелось никогда не вернуться больше в затхлые канцелярии и к столикам со скучным копеечным вистом, но навсегда остаться таскать здесь, потягивая ирруа, серебристых окуней из воды, жевать каплунчики и „хворост рюсс“, купаться в пруду под липами и пускать фейерверк по ночам. Хозяин бывал радушен, очарователен и широк, как российская масленица; его трогательная и внимательная заботливость и славянская простодушная гостеприимность могли умилить любое, самое черствое сердце. И комиссия, действительно, уезжала опоенная, откормленная и очарованная хозяином, вдобавок влача за собой на серебряных цепочках невинный знак помещичьей дружбы и расположения—по ирландскому щенку в именных ошейниках. И всегда случалось как-то так, что в заключении, которое представлялось потом чиновниками в инстанцию, берега для моста оказывались слишком обвальными и ненадежными, дно—всасывающим, и течение настолько стремительным, что выдержать полую воду могли бы только клепанные железные фермы, строить которые губернии было не по силам. Если же этого не случалось, и очередная комиссия, истребив каплунчики и беззастенчиво высосав боченок клико, нахально настаивала все-таки на постройке простого и дешевого моста,—помещик одевал, погромыхав проклятие, сюртук с шелковыми лацканами, всовывал Владимира в петлицу и чековую книжку в боковой карман, и, помолебствовав, отбывал в город. Где он бывал и что делал в городе—было неизвестно, но очень скоро в оживлявшейся переписке ведомств берега и дно и течение вновь обретали потерянные было свойства, относительно которых в бумагах либерально писалось, что „в означенных условия постройка моста явилась бы преступной и бесцельной тратой народных средств“. И река попрежнему стояла свободной, и попрежнему толклись в очереди и покупали розовые билетики в будке помещичьего парома мужики.

Мужики окрестных сел арендовали обычно землю, ездить в которую надобно было „через две воды“—через Донец и речонку Айдар, всю поросшую ряской и острой, как бритва, травой. Через Айдар большей частью ездили вброд, но Донец тек широко и быстро, на колесах перейти его было невозможно, и волей-неволей села стягивались к кошкиному парому, круглые сутки возившему скот и людей.

Помещик знал, где зимуют раки, и недаром поил крюшоном комиссию; плата за перевоз, и без того предельно высокая, едва начинались работы в полях, поднималась до размеров, от которых вставали волосы дыбом на головах у мужиков. Чем горячее было рабочее время, тем выше ставили цену на розовых билетиках в будке у реки; в пахоту с воза брали рубль, в покос поднимали до двух, а когда начинали убирать и возить хлеб с полей, грабили три рубля с подводы, что составляло зачастую почти полцены лежащего на ней груза. Мужики проклинали паром и помещика, ругались, плакали, просили оказать „нисхождение,“—но „нисхождения“ им не оказывалось, миновать переезд было невозможно, и они платили рубли и трешки, потому что нельзя было бросать хлеб и травы и землю за рекой, кормившую кое-как их нищие семьи. Они ходили „проситься“ к барину, но ингуши выталкивали их со двора; ездили жаловаться в губернию, но без толку истратили только на ходоков шестнадцать рублей, а ответа не получили никакого. Тогда они сожгли самый паром на реке, но на месте его вырос сейчас же новый, а троих ребят угнали в город, в тюрьму. Паром был неприступен, и ни в каком месте нельзя было прорвать хитрую сеть, которую плел вокруг него, загребая ежегодно многие тысячи рублей, отличавшийся славянским гостеприимством не то Ляуниц, не то Бляменфельд. Затаив злобу, мужики махнули, в конце концов, рукой и прекратили неравную борьбу, трижды проиграв еще дело в суде; под прикрытием закона, под защитой шампанских пробок и щенков в именных ошейниках, вплоть до дней революции помещик разорял на переправе весь крестьянский район.

Революция поступила с помещиком так, как помещик того заслуживал; паром перешел к деревням, но так как деревни ссылались друг на дружку и никто не хотел ремонтировать его и смотреть за ним—он износился скоро, истрепался, дал течь, и однажды его сорвало ветром и разбило у берега. Долгие месяцы и годы дюже мучались мужики, выискивая броды и перевозя скот и хлеб на шатких рыбацких лодчонках; скот погибал, случалось, или простуживался в холодной воде, намокал хлеб, подгнивало сено, ржавел инструмент. Все понимали, что немыслимо и гибельно и для хозяйства, и для людей во всякую пору и погоду бродить так, или плыть в протекающих дубках через „две воды“; но новой переправы выстроить никак не могли, потому что деревни поспорили и насмерть перессорились из-за того, кому сколько вносить на паром, и дальнейшие дебаты по этому вопросу грозили закончиться всеобщим неслыханным и жестоким побоищем.

Наконец, нашлись люди, каким-то чудом примирившие раздраженных и озлобленных мужиков; на деньги, собранные в селах, была отстроена и спущена на Донец огромная общественная лодка из вершковых, просмоленных, неизносимых досок.

День, когда она отчалила впервые, переполненная людьми и грузом, от берега—сам собой превратился в торжественный и радостный праздник для четырех сбежавшихся деревень. Старики крестились, поглаживая бороды, бабы запели песню, девушки рвали и бросали цветы в воду, ребята укрепили красный флажок на корме. Шутка ли, сколько лет мучений и грабежа и издевательств остались позади!

На противоположном берегу, когда лодка входила уже в залив близ отмели, из кустов вышел неожиданно маленький, лысый человечек в жилетке и с огромнейшей папкой в руках.

— Куда чалишь?! — закричал человечек и замахал папкой: — поворачивай! Здесь *чужой* берег!

— Куда же нам? — изумленно спросил загребной с лодки.

— В своем районе приставайте, здесь чужая земля!—настойчиво кричал, топчась на месте, человек.

Мужики пристали все же, чтобы выяснить положение; молодежь ругалась, старики говорили, что земля не чужая, а „вся божья“, кто-то доказывал резонно, что река есть естественная граница районов, и села имеют, стало быть, только один *свой* берег, и никогда и нигде не смогут, если вышел закон о чужих берегах, переправляться через реку. Человечек, представитель РИК'а, был непреклонен и тверд; он повторил опять, что берег принадлежит Краснобродскому району, и никто не имеет права приставать здесь без разрешения, что ему и исполкому, который он представляет, в высокой степени безразлично, смогут или не смогут переправляться через реку *чужие* мужики, и что ежели правобережные крестьяне желают приставать именно в этом месте, то каждый раз пусть платят подушный, попудный и иной полагающийся налоговый сбор. Он кричал при этом, размахивая папкой, наступал на мужиков и довольно прозрачно дал понять, что в его распоряжении имеется достаточно административных средств, чтобы в корне пресечь всякий произвол. Мужики спросили о цифре попудного, подушного и иного полагающегося налогового сбора — и ахнули, нехорошо помянув родню: при своей общественной лодке и гребцах выходило немногим дешевле, чем у помещика...

Берег, усыпанный людьми, встретил лодку, когда она вернулась назад, гробовым молчанием: через воду здесь слышали от слова до слова весь разговор. Лодку вытащили на берег и заперли у ивы огромным и ржавым висячим замком...

Мужики ездили в город, в район, куда был человечек с папкой: им сказали там твердо, что, действительно, по закону приставать на *шармака* к *чужим* берегам нельзя, и что стыдно скупиться платить сбор на усиление местного бюджета. Помещику же платили, небось, сколько лет—и не *бузовали*...

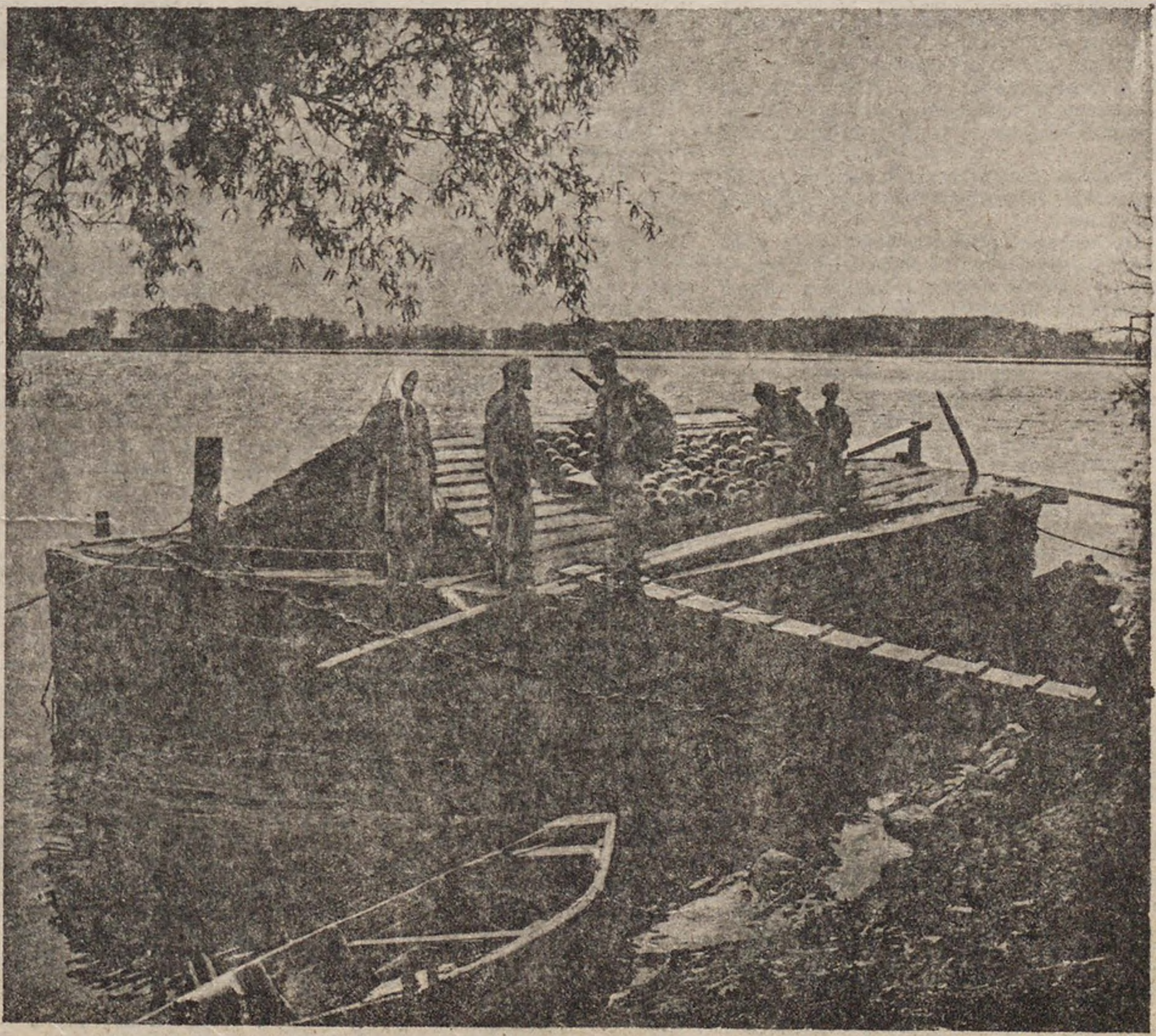
Тогда мужики послали жалобу в местный центр, куда-то в „верхнюю службу“. „Верхняя служба“ ответила к пасхе, что вопрос, как таковой, подлежит всесторонней и детальной предварительной проработке. Лодка стояла на замке, и опять деревни искали брода и возили скот и груз на рыбацких протекающих дубках. Мужики долго искали и все переспрашивали у разных людей про закон о чужих берегах, но закон никак не находился, и они говорили с горечью, что вот-де, опять стали обманывать простой народ и „ничего не сочувствовать хрестьянству“.

Потом в селе нашлись „читатели“, они обо всем написали в большую столичную газету; и тогда вдруг зашевелилось все вокруг, все пришло в смятение, „недоразумение“ внезапно выяснилось, все мгновенно было улажено и разрешено.

С лодки сняли замок; она второй раз пересекла реку и больше не встретила человека с папкой.

„Чужой“ берег стал снова своим...

А. Зорич.



На „чужом“ берегу.

Церковь на перекрестке

Движение на улицах Москвы растет неудержимым темпом. Естественным препятствием этому росту являются сооружения, воздвигнутые когда-то на людных теперь перекрестках и площадях.

Работы по сносу церкви „Рождества богородицы в Столешниках“ (на углу Петровки и Столешникова пер.) продолжатся около месяца. По окончании их освободится значительная площадь, по которой направится движение, совершавшееся до сих пор обходным путем.

Фот. С. Фридлянда.

ПРОКЛЯТЫЕ БУДНИ

Разсказ *Дальнего.*

Хорошо отдохнуть после работы, выспаться доотвалу. Но если отдых продолжается трое суток, то уж тут недостаточно одного сна.

На третий день Крыловы стали нервничать. Надя, захлопнув окно, сказала возмущенно:

— Ну, что это такое? Звонят и звонят. Оглохли бы, дьяволы!

Муж молча ходил из угла в угол, пощипывая подстриженные усики. Его рослое тело гнулось, черные брови хмурились. Надя, подойдя к портрету Ленина, поправила под ним бумажную розу.

— Ну, первое мая, седьмое ноября, али восьмое марта,—там спайка, разные воспоминания... А тут что же? Не катать же яички, не пугать же голубей по колокольням.

Муж, остановившись, глянул на жену.

— Не пойти ли нам к отцу?

Отец его любил выпить, приучил к вину и сына. Но Надя не растерялась. По выходе замуж повлияла на него, даже подбила переселиться подальше от пьяного гнезда.

Вот уже год, как Сергей вел трезвую жизнь, стал интересоваться книгами, собраниями рабочих, клубами. Они приоделись, купили необходимую обстановку. Она стала забывать пережитую нищету, пьяные сцены. Почему и вздрогнула, услышав предложение мужа, стала отговаривать его: что, мол, хорошего у отца, а если охота повидаться, то можно и в мастерских.

Сергей крепко не настаивал, но скучно было, и они вышли пройтись.

Город маленький: туда ткнешься—железнодорожные мастерские, сюда — река. На улицах такие же скучающие парочки грызут семечки и шлифуют горбатый булыжник; шныряют по дворам долгогривые, выискивая простачков; орут ишаками пьяные, тычась паралитиками из стороны в сторону.

Остановились на высоком берегу реки. Вода, нагрянув из далеких лесов, залила зареченский берег, плескаясь о стволы рощицы и смывая с задов слободы зимний хлам.

Весеннее солнце, глядя в водный разлив, дробилось, вспыхивая в волнах яркими кострами.

По кострам неслись лодки — одни в заречную сторону, другие обратно. В лодках—пестро от праздничных нарядов людей и весенних цветов. Но цветы были только в тех лодках, которые плыли из заречной степи.

Курносое лицо Нади заулыбалось, сердце заныло. Потянуло в степную даль. Схватила руку Сергея, прижала ее к груди.

— Тюльпанов-то сколько!

На береговой круче метнулся пьяный и, что-то мыча, вскинул, было, руку по направлению реки, но тут же свалился под косогор.

Надя, охнув, метнулась к обрыву. Но пьяный не скатился в реку, удержавшись на глинистом выступе. Сергей протянул ему руку.

— Давай, что ль.

Пьяный заартачился.

— Я сам.

Дергался всем телом, двигая руки рачьими клешнями и хватаясь за береговую гривку, но пальцы рук одеревенело сползали обратно. Он, все же не сдавался, ворчал:

— Ты думаешь, я пьяный? Сам ты пьяный.

Сергей видел угрожавшую ему опасность. Малейший сдвиг вправо, и он сорвется в реку. Изловчился, выволок его на берег.

Подошла пестрая группа. Во главе ее Ольга, Надина подруга. Ольга заведывала рабочим клубом. Увидев Надю, она обратилась к ней:

— Ты что здесь? Идем с нами: мы на экскурсию за тюльпанами.

Крылова обрадовалась, переговорила с мужем, и они присоединились к группе.

———

В заречной слободе проживал отец Сергея, и когда они высадились из лодки, Сергей потянул жену к отцу. Она вновь стала отговаривать, да и степь запестрела за выгоном. Но муж настаивал:

— На минутку, один сотенник. Да мы их сейчас догоним.

Его настойчивость, неудобство спорить при людях сбили с толку Надю. Она бросила подруге:

— Мы догоним вас.

А, подходя к жилью свекра, просила мужа:

— Сережа, только, пожалуйста, не пей.

Охватил ее за плечи.

— Что ты, милая, не ребенок же я.

Но когда оказался в пьяной компании, когда трясли за руки, а отец лез с мокрыми губами, то Сергей начал сдавать. Припомнилось былое: пивные, чайные, но особенно расслаблял знакомый запах. Он поднимался от залитого пивом и „очищенной“ стола, также испарялся от пьяных тел и густо насыщал душный воздух комнаты.

Тут его бывший товарищ Tepexa Подметкин, сестра с мужем, вторая жена отца и сторож мастерских.

Надя поняла, что дело неладно, стала торопить мужа, доказывать его отцу, что им некогда, они на экскурсии.

Отец стащил с Сергея пальто и, усаживая, ворчал:

— Эка невидаль,—искурсия. Не-ет, Серега, зазнался ты, забывать стал отца - то. Ну, садись, садись. Нечего ее слушать,—хотя и стриженая, а все же баба.

Tepexa покосился на бобриковое пальто и сатиновую рубашку Сергея:

— До нас ли ему, и-ишь, франт какой!

Сергей возразил:

— Глупости. Рабочий рабочим и останется. А если не хожу по дворам, то для этого есть клуб, всегда можно свидеться.

Подметкин усмехнулся.

— Интеллеге-енция.

Отец наполнил рюмки, а Сергею стакан.

— Догоняй нас, Сережа, мы-то тово.

Надя толкнула в бок Сергея и отказалась за себя и за него.

— Мы не пьем, спасибо.

Сергей оставил, было, стакан с „очищенной“, но отец наступал:

— Ну-н-ну!

Вторили со всех сторон.

— Ска-жите!

— Трезвенник какой!

— Баба не велит!

Сергей смутился и в замешательстве глупо улыбался. Отец совал ему стакан. Надя возмущенно поднялась с табуретки и хотела отстранить стакан от мужа, но свекор свирепо оттолкнул ее руку.

— Не лезь ты!

По адресу Сергея насмешки, а сестра—к своему опьяневшему мужу:

— Тебе бы такую.

Он вскинул кулак и пробормотал заплетающим языком:

— А это што? Я б ее выправил.

Доканали насмешки Сергея, да и обидно на жену, что в самом деле она ввязывается, али он мальчишка? Да и можно выпить, что особенного, не так еще пил, а когда захотел—бросил.

Взял стакан, плеснул ухарски в рот, крякнул и полез за селедкой.

За столом одобрение.

— Это дело!

— Молодец Серега!

— Ерой-ой!

Надя волновалась:

— Сергей, что ты делаешь! Ведь это отрава, горе людское. — Обратилась ко всем: — Неужели вы не понимаете? Это только выгодно буржуям, — пусть мы захлебнемся, пропьем свое рабочее дело.

Но увидела, что ее не слушают, а Tepexa отмахнулся брезгливо.

— Не скули ты, агитаторша.

Потянула мужа за рукав.

— Идем, идем.

Сергей, было, поднялся, но протесты, насмешки, а отец за другую руку.

— Куда ты? А-а, на бабу меняешь!

„Очищенная“ начала разбирать Сергея. В теле огонь, в глазах туман. Он вдруг нахмурился дернул руку от жены.

— Отвяжись ты.

Tepexa к нему.

— Сережа, товарищ, брось бабу. Помнишь, как мы... Вот жизнь-то, малина!

Отец усаживал.

— Садись, садись.

Светлые глаза Нади потемнели от нахмуренных бровей. Сунулась к мужу.

— Сергей, слышишь. Одна уйду.

Муж сестры мотнул взлохмаченной головой.

— Атись, ати-ись.

Tepexa скорчил презрительную рожу.

— Поду-умаешь, какая фря!

Надя дернула за плечо мужа.

— Слышишь?!

Сергей нахмурился.

— Подожди ты.

— Что ждать?

Вытаращился свирепо.

— Отстань!

Наде обидно. Говорила ей Ольга, когда она с нею советовалась: „Смотри, Надя. Весь он в отца. Будешь его разыскивать по пивным да получать оплеухи“.

Tepexa подсел к Сергею и, обнимая, говорил:

— Молодец, Сережа, давай выпьем.

Надя вышла из лачуги, постояла отупело и вернулась. Но встретила насмешки, подзуживание мужа Терехой, что вот-де какая у тебя женка, хуже тряпки тебя считает. Тот зарычал, готовясь наброситься на нее с кулаками.

И она окончательно поняла, что сейчас бессильны ее уговоры.

———

Степь раскинулась просторной равниной, напоминая сплошной цветник.

Тюльпаны развернулись во всей своей красе и об'единились в разноцветные лужайки, то споря с синевой весеннего неба, то переходя в солнечный цвет, то мнясь россыпью первого снега, то выявляясь алыми полотнами. Но были лужайки и цвета черного бархата, и цвета весенней грозовой тучи.

Поддаваясь степной красоте, глаза Нади блестели, лицо разрумянилось. Пальто она сбросила на руку, красную косынку тоже сняла, ибо в воздухе парило. Густые русые волосы взбились шапкой, и теперь она походила на коренастого круглолицого парня.

С высоты неба лилось пение жаворонка, и Надей оно воспринималось восторженными восклицаниями.

— Ах, какая степь! Ах, какая степь!..

Из яркости цветов поднимался суслик. Он становился на задние ноги, вытягивался колом, обозревал степь и свистал. В этом свисте чувствовалась безысходная тоска. Он как бы завидовал свободным жаворонкам, сознавал свою обездоленность, что вот-вот его раздавят. Этот резкий, тоскливый свист хватал за сердце Надю, перенося в мрачную лачугу, где пьяная компания, мутные глаза, звериные хрипы.

И там, в этом гнойнике, ее муж, которого она любила, из-за которого отстала от общественной работы, силясь вырвать его из сивушной чумы, а потом вместе с ним делать пролетарское дело.

Глаза туманились, на золотистых ресницах блестели слезы, и с губ срывалось раскаянье:

— Ах, зачем я связалась! Зачем не послушалась Ольги! Она—вольная, как эта степь, как поющие жаворонки.

Надя приближалась к суслику, он пугался, смолкал и скрывался в нору. Только попрежнему пели жаворонки да улыбалась просторная степь.

И Надя успокаивалась. Но близко экскурсанты. Как она на них взглянет? Что подумают?

Они расселись на белой тюльпанной россыпи. Ольга — в центре, кепка с букетом в стороне, черные волосы на голове волновались буклями капора, глаза блестели энергией, и, вскинув руку, она говорила:

— Да хотя бы жаворонки, вон они как заливаются. А почему? Рады своему прилету в родную степь, построенным гнездышкам, а, может быть, уже снесенным яичкам. И это радость трудовая. То же и наше дело. Мы также радуемся трудовой радостью, строим, но не по-птичьи, не отдельные гнезда, а общие, чтобы всем было хорошо.

Надя подошла тихо, ей хотелось присесть незамеченной, но Ольга увидела ее несмелую походку, смущенность на лице и вдруг обратилась к ней:

— Надя, а где же муж?

Прямой вопрос подруги, вопросительные взгляды других дали ей понять, что не скроешь. Глянула смело в упрямые глаза подруги.

— Что ж, я на поводке поведу?

Ольга качнула головой:

— Загулял, так я и знала.

Надя опустилась возле черноусого рабочего, он сказал ей товарищески:

— А ты не унывай, проспится.

Но работница со шрамом на щеке усмехнулась.

— Отец его всю жизнь просыпается.

Ольга обратилась ко всем:

— Вот, товарищи, вместо радости—отраву. А почему? Буржуи оставили нам проклятое наследие. Ведь они жили чужим горбом. Искали только усладу. От скуки докатились и до пьянства.

Послышался глухой гул. Глаза метнулись по направлению запада.

Из степной дали поднималась лиловая туча.

Экскурсанты встали. Белокурый парень потянулся, потом с сожалением сказал:

— Как хорошо тут! Жизнь бы такую сколотить...

———

Что ни ближе к слободе, то все чаще Надя беспокоилась,—что он там?

Она уже собиралась отделиться от группы, побежать узнать, но ей не удалось.

Не доходя слободы, экскурсанты услышали хриплое пение, но кто пел и откуда оно исходило — было неясно. Домики еще далеко, на выгоне безлюдье, а поет кто-то.

Идут, вглядываются. За пригорком—грязная лужа, в луже уселась свинья. Что за чорт, думают, не может же она петь по-человечьи.

Подходят, и что же! Сбоку свиньи растянулся на брюхе человек. Он, задрав всклокоченную голову, орал „Ермака“. Лицо — ком грязи, только белели белки глаз.

Свинья подняла крючковатую морду, тоже прислушивается; видимо, и ей на удивленье.

Экскурсанты прыснули смехом, захохотала было и Надя. Но вдруг, расширив глаза, всплеснула руками:

— Мама!

Ее восклицание обратило внимание других, а работница со шрамом на щеке сказала:

— Да это же твой дурак.

Вновь хохот, выкрики:

— Тоже экскурсия!

— По свинячьим лужам...

— На брюхе...

Надя стояла сконфуженная, хмурая.

Ольга качнула головой.

— Ну, и муженек, что твой трубачист.

Длиннорукий молотобоец дотянулся до Сергея, схватил его за грязное пальто.

— Ну, приятель, довольно, нагулялся. А то дождь застанет. Захлебнешься на прогулке.

Подошла и Надя.

— Эх, Сергей, Сергей!

Он свирепо дернулся к ней.

— А-а-а, со-олачь...

Но крепко держала рука молотобойца, да он вновь ковырнулся и все же рвался, матюшил жену, подозревая ее спьяна в супружеской неверности.

Надя сгорбилась, молодое лицо старчески обрезалось. Она отошла за других, скрылась с его глаз.

Туча поднялась, в воздухе потемнело. Подул ветер.

Молотобоец и белокурый парень довели Сергея до реки. У берега две лодки, но в них уже несколько человек, в том числе пьяный поп. Экскурсанты все же разместились, посадили и Сергея. Но лодки низко осели в воду, а ветер крепчал, темные волны лизали борты, пенились.

Надя была в первой лодке, Сергей же во второй. Ей не хотелось видеть его, да так посоветовали и другие. Не видя ее, он скоро забылся, вновь затянул „Ермака“. На второй лодке—и поп. Он сидел тихо, с полузакрытыми глазами, время от времени доставая из кармана яйца. Но спьяна не мог хорошо снять скорлупу, запихивал в рот полуочищенные, хрустел, давился.

Выплыли на середину реки. Ветер бил против течения, и вода, пенясь, вскидывалась грозными валами.

Лодки бросало мячиками. Они то падали в мрачные пропасти, то взлетали на пенные гребни. Люди сгорбились, недвижно застыли. В глазах испуг, настороженность. Только поп попрежнему уминал яйцо за яйцом, а Сергей хрипло тянул „Ермака“, да не сдавались гребцы: на первой лодке—молодой, сухощавый, на второй—седенький старичок. Он остро следил за волной, и когда она налетела на лодку, вскидываясь лохматым гребнем, готовая обрушиться многопудовой массой, разом поглотить лодку, он делал искусный маневр, и лодка, становясь носом к врагу, смело взлетала на его спину. Побежденная волна, шипя, трусливо убегала.

Городской берег близко. У берега лодочная пристань. Люди повеселели. Поп достал из кармана яйцо, оно оказалось всмятку. Он запрокинул голову, приложив его к губам, но в это мгновенье ослепительно вспыхнула молния, тут же раздался оглушительный удар, и поп в испуге дернулся, сплющив яйцо. Из него полилась жижа, закрасив черную бороду и рясу в желтый цвет.

В лодке хохот. Поп озлился, ворочал белками глаз, выискивая, к кому бы придраться.

Сергей—на дне лодки, хохот отвлек его от пения. Он, вскинув глаза, увидел раскрашенного попа, и, уставившись на него, прохрипел:

— И-ишь, долгогривый!

Поп озлобленно метнулся к нему.

— Молчи, Иуда!..

Сергей взревел:

— Я, Иуда?..

Бросились друг на друга, сцепились. К ним молотобоец. Он хотел, было, разнять их, но все трое упали на правый борт. Лодка дала крен. Вода метнулась через борт. Люди рванулись налево. И груз тринадцати человек дал себя знать, не помогло и искусство гребца. Лодка захлебнулась. Люди нырнули в волны, а цветы, освободившись из рук, запестрели на темной стихии. Выплывали и люди, барахтаясь в кипящей стихии.

Сквозь шум дождя, в промежутки грома, воздух оглашался потрясающими криками:

— Ай!

— Спасите!

— Мама!

Первая лодка причалила к пристани. Люди бросились к свободным лодкам. Видели несчастье и бывшие на пристани. Одно мгновение, и на помощь погибающим плыла целая флотилия.

На одной из лодок и Надя. Теперь она забыла причиненную ей мужем обиду. В расширенных глазах ужас за него, в сердце боль. Она тянулась вперед, готовая броситься из лодки и во что бы то ни стало спасти Сергея.

Гребцом была Ольга, и когда она заметила на поверхности воды космы попа, то крикнула Наде:

— Спасай, видишь!

Но она, как безумная, рванулась к носу:

— Вон он. Скорей, скорей!

Ольга возмутилась ее эгоизмом.

— Как тебе не стыдно!

И опустила весла, потянулась за попом но набежавшая волна захлестнула его.

Не успели они спасти и Сергея. Он еще раньше пошел ко дну. А Надя обманулась, приняв его плывущую кепку за него.

Но гибель постигла не одних пьяных,— еще утонула беременная женщина, которая тоже переправлялась в город.

Остальные спаслись, да, впрочем, некоторые сами выбрались, ибо лодка затонула в пяти саженях от пристани.

Дальний.

Продолжается прием предварительной подписки
НА ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ
„10 ЛЕТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА“

В сборнике: Я. А. Яковлев — От Февраля до Октября; А. И. Рыков — Социалистические моменты советского хозяйства; Ф. Ф. Раскольников — Партия за 10 лет; В. В. Шмидт — Пролетариат СССР; А. П. Серебровский—Советская промышленность; В. П. Милютин—Советская деревня за 10 лет; Я. С. Ганецкий—Товарообмен; Ю. А. Ларин—Частный капитал и государственное хозяйство; В. А. Обух—Охрана здоровья трудящихся; Я. М. Шатуновский—Энтузиазм труда; Р. Л. Самойлович—Естественные богатства СССР; П. М. Керженцев — Культура Советского Союза; А. Н. Бах—Наука после Октября; А. В. Луначарский — Искусство в СССР; Б. Е. Штейн — Наши международные отношения; Я. Х. Петерс — Защита революции; С. С. Каменев — Красная армия; П. Н. Лепешинский — Ушедшие; М. Е. Кольцов — 10 октябрей.

Сборник подводит итоги достижений во всех отраслях народного хозяйства и является ценным руководством для изучения советской страны.

Цена сборника по предвар. подписке в переплете (I изд.) — 2 р. Тоже в изящном коленкоре (II изд.) — 2 р. 50 коп.

ПОДПИСЧИКИ „ОГОНЬКА“, подписавшиеся до 1-го сентября на любой срок **получают II издание за 2 рубля.**

ПО ВЫХОДЕ ИЗ ПЕЧАТИ ЦЕНА БУДЕТ ПОВЫШЕНА.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: МОСКВА, ИЗД-ВО „ОГОНЕК“.

ГОТОВИМ МО

Этим летом на Москва-реке организован пункт допризывной подготовки. Громадное большинство — 82,9% — проходивших морскую подготовку — рабочие. Большинство — комсомольцы. При отборе обращалось внимание на то, чтобы будущие краснофлотцы комплектовались преимущественно из металлистов или водников. Все они были пропущены через отборочную медицинскую комиссию, которая определяла их пригодность к службе во флоте.

МК ВЛКСМ в качестве шефа прикрепил к пункту четыре фабрично-заводских ячейки, благодаря чему жившие во время сбора в казармах допризывники были непосредственно связаны со своими товарищами на фабриках и заводах.

Обучение проводилось кадровыми инструкторами флота и начсоставом запаса. Кроме общих для всякой допризывной подготовки занятий, здесь велись специальные занятия, на которых будущих моряков обучали обращению с якорем, умению владеть веслом и т. д.

Во время обучения выявился колоссальный интерес к изучению морского дела, проявленный допризывниками. Так, угроза увольнения с пункта или неприема во флот действовали сильнее всяких дисциплинарных взысканий, которые вообще почти не применялись, в виду дисциплинированности и сознательности проходивших подготовку.

Все это говорит за то, что особенно важно, чтобы периодически пополняющая флот вновь призываемая в его ряды рабоче-крестьянская молодежь уже во время допризывных сборов получала специальную теоретическую и практическую переподготовку, необходимую для службы во флоте.

Под'ем флага.

В

Допризывники на уроке гребли.

РСКУЮ СМЕНУ!

…збираются на мачту.

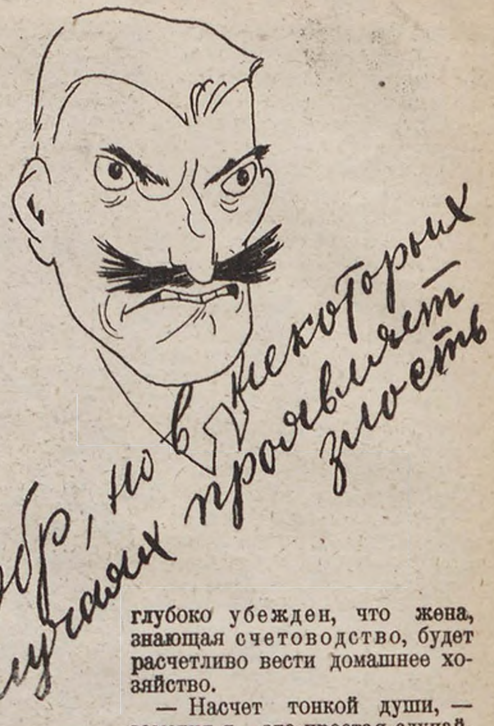
Фот. А. Шайхета.

Подвесная гимнастика.

Как обращаться с якорем.

Тонкая душа

Юмореска *А. Архангельского*. Рисунки *К. Ротова*.



Грузный режебородый графолог, в круглых роговых очках на крупном волосатом носу, сидел на бульваре.

На столике перед ним лежала стопка аккуратно нарезанной бумаги. Тут же торчала картонка, на которой крупными буквами было написано:

КОНЯВО-КОНЕВСКИЙ
ГРАФОЛОГ
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА
ПО ПОЧЕРКУ.

— Интересная вещь, — сказал Сергей Иванович, кивнув головой в сторону графолога.—Давай-ка напишем. А?

— Стоит ли! — пожал я плечами. — Ерунда ведь. Я и без графолога знаю, какой у меня характер.

— Нет, не ерунда,—возразил Сергей Иванович. — Вполне научная вещь. Тут все обосновано. Мне Резапкин говорил, что он ему блестяще определил характер. Да что тебе, полтинника жаль, что ли?

Полтинника мне не было жалко, но я все же отказался.

— Ну, а я все-таки попробую.

Сергей Иванович потащил меня к столику. Графолог подал ему листок бумаги и голосом чревовещателя сказал:

— Напишите побольше и поставьте свою фамилию.

После небольшого раздумья Сергей Иванович написал:

А он, мятежный, ищет бури,
Как-будто в бурях есть покой!
Сергей Щербаков

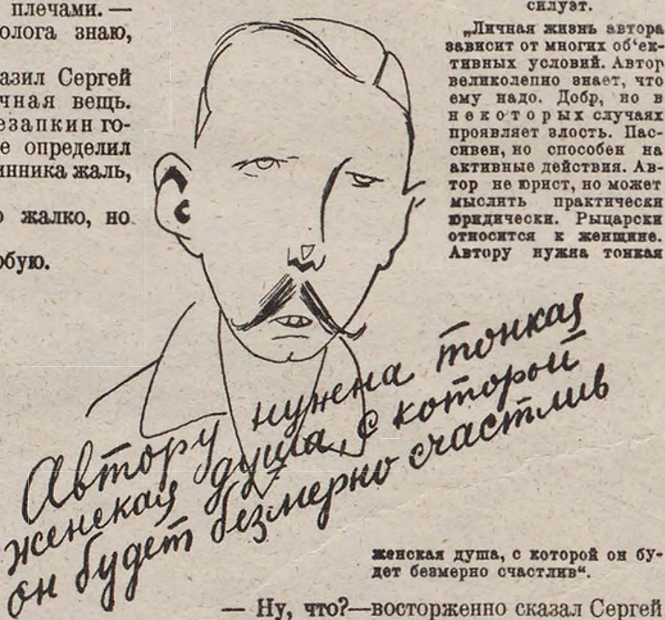
Получив листок, графолог поднес его к очкам и, словно обнюхивая, принялся изучать написанное. Мы деликатно отошли в сторону.

— Вот ты увидишь, — шепнул Сергей Иванович,—он очень верно определяет характер. И притом быстро.

Действительно, меньше чем в пять минут исследование было закончено. Графолог вручил Сергею Ивановичу два листка, исписанных крупным разгонистым почерком. Сергей Иванович прочел:

„Графологический силуэт.

„Личная жизнь автора зависит от многих об'ективных условий. Автор великолепно знает, что ему надо. Добр, но в некоторых случаях проявляет злость. Пассивен, но способен на активные действия. Автор не юрист, но может мыслить практически юридически. Рыцарски относится к женщине. Автору нужна тонкая женская душа, с которой он будет безмерно счастлив".



— Ну, что?—восторженно сказал Сергей Иванович. — Ерунда? Какая меткость! „Добр, но в некоторых случаях проявляет злость". Изумительно верно! А вот это определение: „личная жизнь автора зависит от многих об'ективных условий" — прямо поразительно!

— Что же тут поразительного,— усмехнулся я. — То, что личная жизнь человека зависит от об'ективных условий, известно и без графолога.

— Ну, не скажи,—возразил Сергей Иванович, — это не каждому известно. Ну, хорошо, предположим, что известно. Но вот последнее определение, разве не поразительно? „Автору нужна тонкая женская душа, с которой он будет безмерно счастлив". Как хочешь, но это прямо изумительно! Можно подумать, что графолог знает, кто я.

С последним можно было согласиться. Сергею Ивановичу, действительно, нужна была тонкая женская душа. Об этом он говорил мне неоднократно. Он мечтал о доброй, чуткой, отзывчивой блондинке не старше двадцати трех лет, любящей поэзию и литературу и знакомую со счетоводством. Он был глубоко убежден, что жена, знающая счетоводство, будет расчетливо вести домашнее хозяйство.

— Насчет тонкой души, — заметил я,—это простая случайность. Каждый мужчина, даже женатый, мечтает о тонкой женской душе. Вопрос, где ее только найти!

Это не так трудно,—сказал Сергей Иванович.

— Ну, положим, — возразил я. — В Москве можно найти службу, комнату, но тонкую женскую душу? Сомневаюсь. И потом, как ее найти? Не по об'явлению же в газете? Так, мол, и так, молодому интеллигентному человеку срочно требуется тонкая женская душа. Звонить от—до. Во-первых, не напечатают, а во-вторых, если бы и напечатали, никто не поверит, что это серьезно. Искать на улице тоже неудобно. Спросишь какую-нибудь встречную, не тонкая ли у нее душа,—она примет тебя за хулигана и, чего доброго, отправит в милицию.

— Я этого и не собираюсь делать,—сказал Сергей Иванович, бережно складывая характеристику и пряча ее в бумажник.— А тебе, все-таки, советую написать. Если тебе жаль полтинника, я заплачу.

Вторичное упоминание о полтиннике мне не понравилось.

— Ну, хорошо, — сказал я с досадой.— Если тебе так хочется, я напишу.

Мы снова подошли к графологу. Он предупредительно сунул мне листок бумаги и тем же чревовещательным голосом предложил написать побольше и обязательно подписаться.

Повидимому, у графолога был богатейший опыт. Исследование моего почерка продолжалось не более трех минут. Я уплатил полтинник и получил также два листка характеристики. Сергей Иванович оттащил меня, вырвал из рук листки и прочел:

„Графологический силуэт.

„Автор с трудом слушает собеседника. По образованию не юрист, но практически юридически решает некоторые вопросы. Превосходно знает, что ему нехватает. В ответственных случаях проявляет необходимую активность. Автору нужна тонкая женская душа, с которой он будет счастлив".

Сергей Иванович умолк и в замешательстве уставился на меня:

— Да-а, — злорадно протянул я,—поразительная характеристика! Интересно одно: если каждому узнающему свой характер мужчине нужна тонкая женская душа, то сколько же их потребуется? Придется организовать добровольное общество по отысканию тонких женских душ.

Графолог, сверкая лысиной, обнюхивал какой-то листок, вероятно, очередной заказ мужчины, которому нужна тонкая женская душа.

Александр Архангельский.

ЛИЦО БУРЖУАЗНОЙ ПРЕССЫ

Фото-монтаж С. Фридлянда.

Заграничное общественное мнение находится под исключительным влиянием своей буржуазной прессы.

Интересно хотя бы мельком взглянуть за кулисы прессы. Обычная буржуазная газета стоит в продаже значительно дешевле, нежели бумага, на которой она печатается. Так, например, воскресный номер „Нью-Йорк Таймс" весит от 4 до 6 фунтов (90 больших газетных страниц) и стоит на наши деньги 10 копеек. Часть своих затрат газеты покрывают об'явлениями, которые помещаются не только для рекламы, но, главным образом, с целью застраховать себя от нападок самой газеты. Частью газета получает разовые или месячные, а иногда и годичные взносы от заинтересованных лиц и учреждений за проведение тех или иных газетных кампаний.

Влияние газет настолько сильно, что даже при размещении национальных займов патриотические заграничные газеты получают от правительства крупные суммы за пропаганду займа. Так, за рекламирование большого военного займа во Франции в 1914 году, т. н. „займа победы", французские крупные газеты получили 300 тысяч франков, не считая отдельно оплачиваемых об'явлений на сумму около ½ млн.

Французская пресса, десятилетиями находясь на жалованьи у царского русского правительства, выполняла очень ответственную функцию, заманивая французского покупателя русских займов описанием природных богатств России и т. д.

Начиная с 1905 года, одна лишь парижская пресса получала около 300.000 ежемесячно от царского правительства, не считая об'явлений, кроме оплаты отдельных заданий. Эти суммы головокружительно росли с момента начала империалистической войны. Газеты „Тан" и „Матэн" имели даже своих постоянных „финансовых" представителей в Петербурге, в задачу которых входило только выяснение на месте (в России) тех или иных затруднений с целью вымогательства денег. Несмотря на то, что Россия являлась крупнейшим союзником Франции, всякая неудача радостно встречалась за кулисами французской прессы, т. к. давала возможность срывать новые куши.

Октябрьская революция лишила верного дохода большинство заграничной прессы, особенно французской. Продажная потаскуха, почувствовав исчезновение постоянного денежного источника, подняла невероятный вой, тем более, что французские держатели русских займов (банки) охотно оплачивали анти-советские кампании. В дальнейшем пресса систематически продазала свои страницы бывшим владельцам разного рода русских ценностей и предприятий в России.

„Десять раз повторенная инсинуация запоминается лучше однажды высказанной правды"—лозунг заграничной прессы.

Разрозненные и порой даже единичные выступления желтой прессы получили об'единяющеее начало в лице „Рояль Детч", крупнейшей в мире нефтяной компании, ведущей борьбу против советской нефти. Кампания в английской прессе не могла отпугнуть английского покупателя от более дешевого русского „горючего", и под угрозой новых больших французских закупок русской нефти, в связи с введением монополии, „Рояль Детч" оплачивает французскую прессу, руководя новым газетным наступлением. Французская пресса, неоднократно пытавшаяся при теперешних условиях безнадежно вымогать с нас деньги, захлебываясь травит нас, пытаясь запугать своего читателя описаниями небылиц и ужасов, царящих в стране Советов. Влияние об'единенной продажной шайки столь велико, что ни одна из газет, за исключением „Юманите" (орган французской коммунистической партии), не пожелала поднять голоса в защиту своего же коллеги-журналиста — сотрудника ТАСС Броуна, высланного из Франции за описание демонстрации протеста против казни Сакко и Ванцетти. Т. Браун телеграфно передавал содержание страниц буржуазной парижской прессы, и только за текстуальную передачу выслан из Франции. Хвалебная буржуазная свобода слова, свобода покупать слово любой газеты, оказалась свободой зажима рта всякому честному журналисту.

Н. Клэр.

Из полевой книжки

Немцы

Начальство по строю идет, немцы в строю стоят. Начальство немцам свое говорит. А немцы, ровно и мы, бывало, на начальство вылупились. А что у них по глазам, того начальству не видать.

С немцем у нас ладу не быть, пока ему дома хату не запалят.

Сперва немцы противу нас куда порядочнее выглядели. На каждую петлю-крючок, на каждое слово-мычок. А тут у них время сместилося, стали они пояса отпущать, ходить стали развалистее. „Ага!“ — думаем.

Долго мы у мамаши не загостились. Я в лес, брат — в город. Я от немцев в бандиты ушел, а брат серьезный — фабричных ребят сгрудил.

Вернутся они домой, увидят, что без них дома натворили, — не пойдут больше чужую войну в хомут совать, своею...

Атаманы

Наш атаман красавиц набирал, чтобы нам с ними спать. Я, говорит, лучше большевиков народ устрою, как здоровых, да красивых мои народят.

У него суд был атаманский. Ни тебе свидетелей, ни тебе слова поперек сказать не даст. Взглянет, — „Знает“, говорит, „поп, кого крестом в лоб,“ — да и застрелит.

Иностранцы и офицеры

Я весело на войну шел. Дома смелости девать было некуда. А потом, на фронте, соскучился я немца бить, а тут полюбились мне умные люди, тут пара сместили, а тут сердце мое противу офицера горит.

Всегда я ихнего брата не любил. Бывало, на фронте, похвалят какого нито товарища, а на проверку выходит, — и на том спасибо, что в зубы не бил.

Мне чужих языков не учить, я все понимаю. Как гляну, — этот офицер, а тот солдат — так и знаю, с кем подня.

Деревня

Нас цветами не встречают. В городе народ торговый, тот нас не жалеет.

Пройдет война, пройдет и враг с нею. А земля непахана, а семя не сеяно, а силы где будет взять. Вот и волнуется деревня.

Напустили на нас поганых немца. Что ему, дома еды не хватает, что на чужие, беднее земли по приказу начальства пришел?

Скажи — скажи, молодая детина, где отца-мать покинул? У поля, у пашенки, в дальнем селе при могиле.

О самой войне

Бывало на кулачки выйдешь, весело, сердце играет. Такая война была. Была немецкая война, — как во сне воевалось. Куда повернут, туда и тычешь, глаз не продирая. А вот теперь — и зрячий, и жизнь кипит, и сердце играет.

От нас дома нос воротят, с того, что впереди им не видать, от темноты. А умаянье сильно, вот и бурчит деревня.

Вернулся я в место, встретили меня родители сурово. Ждали, говорят, бежали миру, а вы с войны ушли, да здесь войной балуетесь, а хозяйство как?

Мне дома не усидеть. Пошло дело к тому, либо тебе жить, либо ему. Такого сиденьем не добиться.

Не старый мужчина войну любит. На той войне, палки, да против немца, на чужую выгоду. А как за себя, да против кровного врага — тут с удовольствием воюешь.

Мирные жители

Струсил, — говорит: — сами хоронитесь, а я чтобы и не знал. Мы по лесному забрели в закуток такой. Живем день, и другой, ни короче. На третий день слез племянник до дяденьки, давай, говорит, хлеба. А я, отвечает, и не знаю, кто у меня в закутке живет, а как, говорит, знать стану, так довести придется. И не дал хлеба.

Тут она дома одна, навела порядки. Винцо да папиросы. Тут он через город, суд ей и расправа. Тут отступление, она его и видала.

Хорошенькая бабочка такая, веселая. Не боится. Эта и белым и красным по нраву, никто не отнял. А вон, с кем слаще, а то и цвета не отличает, до того мирная.

Глянешь теперь на мирных, — нет хуже ихнего житья. Сами в неволе с утайки да с недоедки; дети захичерели, — словно куры в подполье; вещи вокруг портятся; и животное не шумит. Ни собачка не брешет, ни кошка не мяучит, ни птица не щебаршит.

Нас только простые привечали, а эти праздника не сделают. Ни хлеба, ни питья, ни гроша немае. А те мирные с цветами, да вином, то чужие, не наши.

Собрала С. Федорченко.

Мы приводим здесь заметки, не опубликованные в книге „Народ на войне“, своеобразно переданные художником А. Лопухиным, в действительности не записанные, а отпечатанные С. Федорченко одним пальцем на пишущей машинке.

АЛЬФА + БЕТА...

На черном поле досок—давно знакомые очертания равно и разнобедренных треугольников, таинственные и мучительные иксы, формулы, решение которых открывает столь желанную дорогу в вуз.

У досок—испытуемые. Загорелый мускулистый крепыш коряво выводит мелком латинские и греческие буквы математических формул. Он приехал откуда-то издалека, из северной деревни, и всю сложную науку проходил „одиночкой". Математика давалась туго, сидел над ней два года, наконец—одолел, и пришел в вуз экзаменоваться.

— Знаете, хочу потом у нас в глуши по автотранспорту поработать, очень это нужно, а то наша глушь позабытая стоит,—уверенно отвечает он, когда ему задают вопрос, что привело его в технический вуз.

Сосед его—хилый и нервозный мальчик в аккуратненьком пиджачке, видимо, „плавает". Ежеминутно стирает только что написанное, снова пишет и снова стирает меловую пыль, осевшую на полосатые брючки.

— Об'ясните мне ход вашей работы,—подходит к нему преподаватель, но видя, что мальчик от волнения начинает путаться, мягко говорит:

— Ну, я на несколько минут отойду, а вы тут на свободе обдумайте хорошенько.

За партой сидит, усердно решая задачу, смуглая стриженая девушка в матроске. В этой аудитории она—единственная; вуз—технический, и процент поступающих женщин очень невелик: на 1200 заявлений всего 26 подано женщинами. Но, несмотря на это, девушка в матроске не робеет и бойко отвечает на вопросы подсевшего к ней преподавателя.

— Чему равен тангенс 90 градусов?..

Из этой „экзаменационной" совершенно изгнан затхлый дух официальности и зеленых столов. Среди экзаменующихся с трудом различаешь преподавателей, которые, расхаживая по аудитории, или усаживаясь за парты рядом с поступающими, экзаменуют. А то пишут на доске теорему и уходят на полчаса, предоставляя студенту самому разобраться в задаче.

В первые годы такая свободная система экзаменов привела к „шпаргалкам", „слизыванию" и т. д., но в этом году пришедшие в вуз гораздо сознательнее относятся к испытаниям, чувствуют, что это не придирка, не формальность, а действительная проверка их знаний. Преподаватели рассказывают только об одном случае решения задачи с „помощником" за все время экзаменов.

Впервые в столице. Фот. С. Фридлянда.

В приеме этого года больше всего—детей служащих, много рабочих, есть крестьянские дети из дальних губерний. Приезжающая молодежь оказывается совершенно без крова. „Гальяновка"—общежитие Главпрофобра—переполнена. В студенческие общежития не пускают. И две—три ночи перед экзаменом молодежь ночует на бульварах и... на кладбищах.

А на утро—бодрые приходят в аудиторию и зачастую отвечают лучше всех.

Мне пришлось видеть одного такого „кладбищенского жителя". Веселый, белозубый парень этот блестяще сдал уже два экзамена и пришел в канцелярию института просить, чтобы его пустили переночевать в общежитии.

— Вам на кладбище плохо показалось?—спросили в канцелярии.

— Нет, что же, я забрался там в богатый купеческий мавзолей и спал на скамейке превосходно. Только боюсь, что меня сторожа примут за кладбищинского вора... А потом поди, доказывай, что я—вузовец...

Стали говорить о выдержанных им экзаменах, острили:

— Это вам, видно, нечистая сила помогает...

За дверью „экзаменационной" массовая лихорадка ожидания. Там—в коридоре, на лестнице, на подоконниках—сидят, ожидающие своей очереди экзаменоваться. Каждый раз, когда открывается дверь аудитории, выпуская державшего экзамен, все срываются с места и плотной толпой окружают товарища.

— Что вас спросили? Выдержали? Покажите лист.

В руках студента—листок экзаменатора, с отметкой о сдаче экзамена. Если „засыпался", то листок на руки не выдается. Таким образом, каждый поступающий сразу узнает свою судьбу.

— Если действительно знаешь программу, то никогда не провалишься, как бы ни сбивался,—говорят поступающие. И прибавляют со смехом:

— Без экзаменов нельзя, не принимают, без экзаменов только в институт Склифасовского попадешь!

Тысячи заявлений лежали в московских вуз'ах. Тысячами приходила на экзамен молодежь, стремясь получить в вуз'е знания. Тяга к учению огромна. И единственный был лозунг молодежи в эти лихорадочные экзаменационные дни:

— Даешь учебу в вуз'е!

Н. Кальмгольд.

НАРОД В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

С первого дня империалистической войны и почти до окончания гражданской войны С. Федорченко провела на фронте. Ей удалось с редким мастерством отобразить настроения солдатских масс в виде разговоров, поговорок, частушек, пословиц, песен, прибауток и т. п.

Проделав вместе с армией ряд наступлений и отступлений, пережив ужасы небывалой в мире бойни, потрясенная не только страданиями и лишениями „солдатика", но и жалкой нищетой, нуждой и убогостью окопной и прикопной жизни, она заболела. Через два года после начала войны, отправленная в городской лазарет, она впервые увидала тыловую жизнь, наблюдала „пир во время чумы", спекулянтством разложенный тыл. Буржуазная печать того времени захлебываясь изображала сусальных солдатиков, „счастливых героев", умирающих в ореоле славы за „царя-батюшку". Отвратительно поверхностно, сознательно извращенно рассказывалась и передавалась беседа и речь рабочего и крестьянина на войне. Глубокое возмущение всей этой ложью, шантажем и обманом побудило С. Федорченко, никогда до этого не занимавшуюся писательской работой, выступить с своими очерками „Народ на войне".

Взволнованно читаешь дышащую глубокой искренностью, редкой правдивостью передачу солдатских бесед, замечаний, изречений.

Отдельные, короткие, порою в две-три строки, заметки выросли в книгу подлинной жизненной правды, книгу страданий и мудрости вооруженного народа.

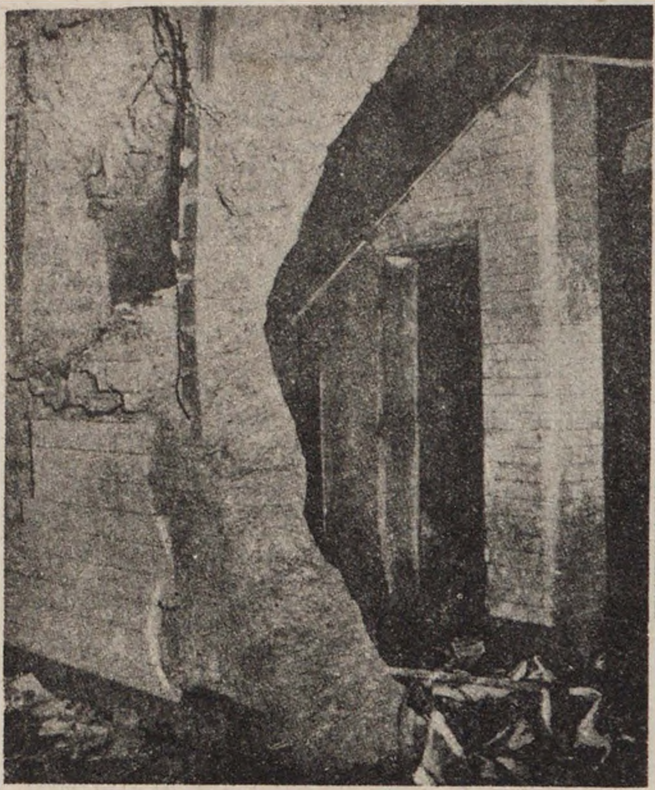
С исключительной талантливостью С. Федорченко, никогда не записывавшая в действительности ни одной строчки из солдатских бесед, отобразила быт и переживания многомиллионной рабоче-крестьянской массы, почти десятилетие проведшей под ружьем.

Первые записи, не представлявшие ничего противоправительственного, но только из-за своей правдивости явились в царское время нелегальной литературой и читались в подпольи. И только после Февральской революции первый том записей увидал свет. Второй том посвящен военному периоду от Февраля до Октября (керенщина), третий—гражданской войне.

На левой странице помещены заметки, не вошедшие в книгу „Народ на войне".

Н. Хорошев.

БОМБОЙ КАПИТАЛА НЕ СВЕРГНУТЬ!



В дни напряженной ворьбы за спасение Сакко и Ванцетти, коммунистические партии всех стран смогли поднять сотни тысяч рабочих и интеллигенции на борьбу против капиталистической юстиции. Только испытанное руководство наших братских партий дало возможность вовлечь в борьбу даже отсталые массы, идущие на поводу соглашательских реформистских союзов. Лишний раз история подтвердила правильность коммунистической тактики, опирающейся на широкие массы трудящихся. Никакие отдельные террористические выступления не дали и не дадут победы трудящимся. На снимках: слева—туннель; справа—вокзал подземной железной дороги в Нью-Йорке, разрушенный бомбой, брошенной в дни протеста против казни Сакко и Ванцетти.

Телохранители Чжан Цзо-лина

Боязнь потерять китайский рынок, боязнь победы южан и желание во что бы то ни стало добиться победы Чжан Цзо-лина заставляют англичан, вопреки их обычаям, пойти в деле помощи Чжан Цзо-лину дальше, нежели они предполагали. Нормальная помощь инструкторами, пушками, снарядами, оружием и деньгами не спасала до сих пор северян от ряда поражений. Англичане принуждены были прибегнуть к героическим мерам. Они поделились с Чжан Цзо-лином одним из своих последних военных изобретений, которые они приберегали для будущей войны. На снимках: сверху — английский изобретатель С. Вильдер, который демонстрирует отряду полицейской охраны Чжан Цзо-лина изобретенный им новый усовершенствованный панцырь, непроницаемый для пуль. Панцырь вводится в войсках Чжан Цзо-лина; внизу — изобретатель Вильдер.

Уптон Синклер в „свободной" Америке

Мы все знаем и любим Уптона Синклера. Но даже при самом поверхностном знакомстве с этим писателем можно с уверенностью сказать, что он вряд ли допустит что-нибудь порнографическое в своих произведениях. Американская же цензура усмотрела кое-что неприемлемое для себя в новом романе Уптона Синклера. И не удивительно! Ведь американская добродетель славится по всему миру. Синклер не сложил оружия, он сам лично вышел на улицу с протестом. Надев на себя плакат в виде фигового листка, он продает свою книгу на улицах Балтиморы. На плакате написано: „Нефть"—новый роман, изданный, по образному выражению Синклера, издательством „Фиговый Лист".

АЛЬБОМ СОВЕТСКОЙ САТИРЫ

ИЗБРАННЫЕ РИСУНКИ, ШАРЖИ и КАРИКАТУРЫ

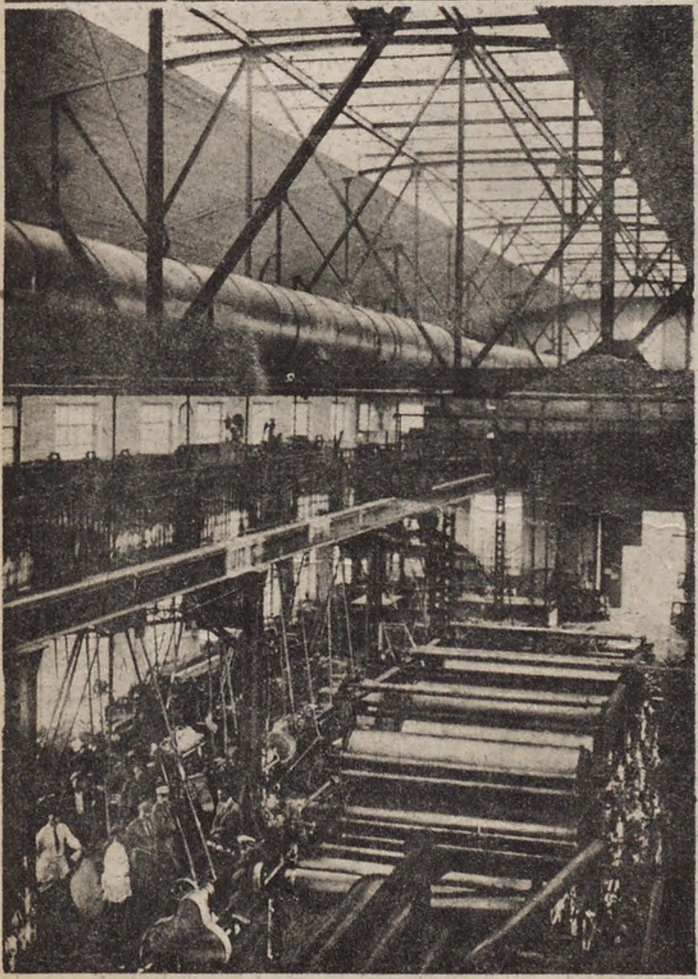
Б. Антоновского, Ю. Ганф, А. Дейнека, Дени, К. Елисеева, Б. Ефимова, В. Козлинского, И. Малютина, Д. Моора, А. Радакова, Н. Радлова, К. Ротова, М. Черемных.

Цена — 1 руб. Заказы направлять: Москва, 9, „ОГОНЕК", Тверской бульв. 26.

Высылка производится также наложенным платежом.

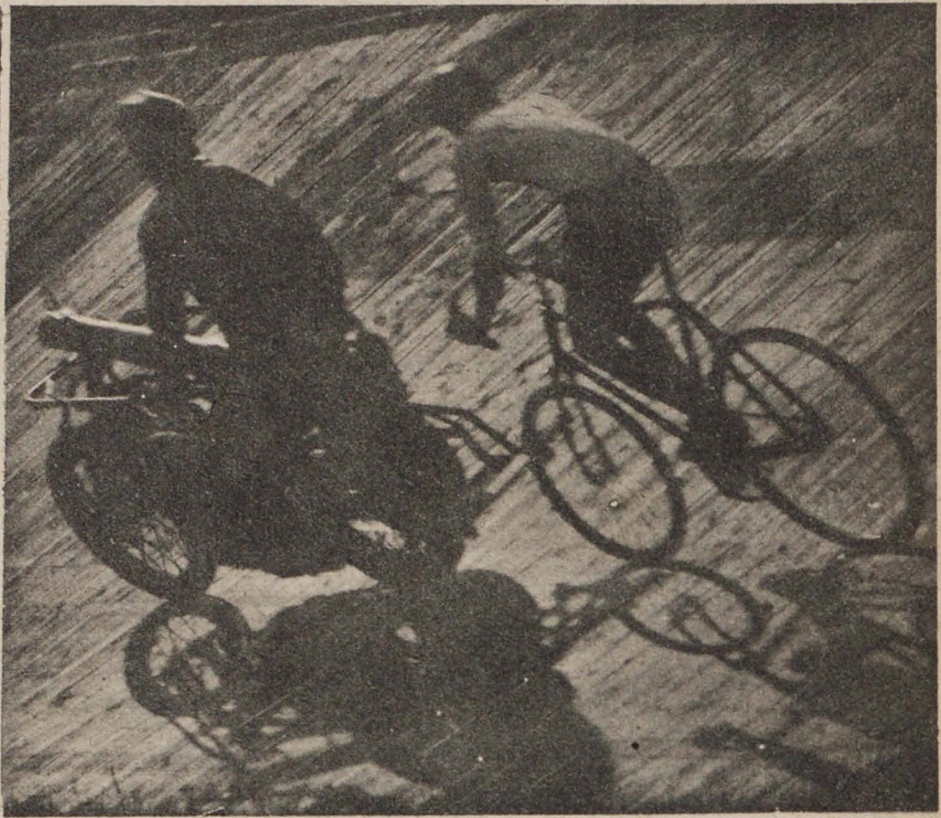
МОСКВА СЕГОДНЯ

Фот. С. Фридлянда.



В последние дни в Москве удалось успешно осуществить два ценных начинания: вовлечь советских служащих в массовую военную подготовку и не менее успешно начать строить машины для наших фабрик. По инициативе членов Осоавиахима, сотрудники НКИД, ВСНХ, ГОСТОРГА, ЦК и Губотдела соработников проделали двухдневный подмосковный поход. На верхнем снимке—сбор частей на площадке перед зданием НКИД. Одновременно Пресненский механический завод заключил сделку на поставку Всесоюзному текстильному синдикату текстильных машин на общую сумму в $3^1/_2$ млн. руб. На нижних снимках: слева—общий вид цеха, где изготовляются текстильные машины; справа—детали машин, изготовленных на Пресненском заводе.

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ СПОРТИВНЫЙ ПРАЗДНИК



Недавно закончившийся всероссийский праздник физкультуры привлек около 2.000 чел. участников из всех без исключения районов и губерний РСФСР. Республиканский праздник физкультуры является генеральной репетицией к интернациональному празднику физической культуры в 1928 году. Несмотря на то, что Люцернский Интернационал (соглашательское рабочее спортивное об'единение) всеми способами пытается не допустить свои массы к участию в советском празднике,—на состязания приехали гости: латыши, немцы, англичане, чехи, финны и норвежцы. Первенства по различным видам спорта разыгрывались в условиях напряженной борьбы и дали в результате небывалое количество рекордов—49, частью не только всесоюзных, но также и мировых. Первенство, которое засчитывалось по результатам всех видов спорта, выиграла Москва; второе место занял Ленинград. На снимках: наверху слева — т. Галкина, победительница в женских велосипедных гонках на 1 клм.; справа—велосипедные гонки на 50 клм. за лидером—мотоциклом; внизу посредине—т. Б. Громов на финише бега на дистанцию 400 метров; слева—Б. Громов—после победы; справа—москвич т. Демин—лучший десятиборец РСФСР.

Фот. В. Лободы, Е. Микулиной и С. Фридлянда.

Редактор МИХ. КОЛЬЦОВ. Издатель—АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК". Непринятые редакцией рукописи не возвращаются. Перепечатка без указания источника—воспрещается. РЕДАКЦИЯ — Москва 9, Страстной бульв. 11. Тел. 2-96-12: ГЛАВНАЯ КОНТОРА—Москва 9, Страстной бульв. 11; телефон: 3-12-56 Отд. Распростр.—5-51-69. 80-64. Под'отдел подписки—1-28-19. Рекламбю—1-35-28. Бюро иногородн. об'явлений—3-91-48. Адрес для телеграмм: Москва Огонек. ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ—Проспект 25 Октября, д 1., тел. 5-26-09. ТАРИФ ОБ'ЯВЛЕНИЙ: 1 стр.—1500 р., строка нонпарели—2 руб. 50 коп. Сверх тарифа—10% налога. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на „Огонек" с одним прил. „Альбом Советского Юмора и Сатиры" (год. и полугод. подп.) 1 м.—40 к., 3 м.—1 р. 20 к., 6 м.—3 р. 1 г.—5 р.. с двумя прил.: 1) тома „10 лет Советского строительства" и 2) „Альбома" (только годовым и полугодовым) 6 м.—4 р. 50 к., 1 г.—6 р. 50 к. с тремя прил.: 1) „Библ. Огонек" (еженед. 2 кн.) 2) „10 лет Совет. строит." и 3) „Альбома" (только годов. и полугодовым) 6 м.—9 р. 50 к.. 1 г.—15 р. Прил. „10 лет Сов. строит." всем остальным подписчикам „Огонька"—2 р., „Альбом"—1 р.

Главлит № 92.957. Офсет-печать типо-лит. Акц. Издат. О-ва „ОГОНЕК". Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26. Тираж 285.000 экз.

ЛЕЗВИЯ „ЖИЛЛЕТ"

ТОЧКА

американским механическим способом.

Полная гарантия за качество.

Высылайте заказным письмом или посылкой не менее 1 дюж. Цена за точку 1 дюж. с пересылкой 1 р. 80 к.

Москва, пр. Худож. театр. 1 пом 11. **АМЕРИКАНСКАЯ ТОЧИЛЬНЯ.**

ДОМАШНИЕ и КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ

ГОСМЕДТОРГПРОМ

ХИМФАРМЗАВОД им. **Н. А. СЕМАШКО** МОСКВА

и другие наборы высылаются непосредственно с ЗАВОДА.

Серия „А" Цена 1 р. 50 к. Карманная и дорожная аптечка в изящном футляре—21 предмет.
" „Е" " 2 р. — к. Домашняя аптечка—21 предмет.
" „Б" " 3 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарств—24 предм.
" „В" " 5 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарств—31 предм.
" „Ж" " — 50 к. Спортивно-карманная аптечка—8 пр. (высылается не менее 3 шт.)
" „Д" " 3 р. 50 к. Парфюмерно-косм. посыл.—11 пр.
" „8" " 4 р. — Парфюмерно-косм. посыл.—13 пр.

В каждой аптечке имеется наставление к пользованию.

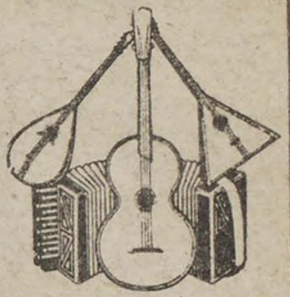
Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку наложенным платежом. Если вы переведете деньги вперед—заказ пишите на отрезном купоне перевода.

При переводе полной стоимости вперед (почт. перев.) **пересылка бесплатно**. При наложен. платеже пересылка за счет заказчика.

Прейс-курант высылается БЕСПЛАТНО.

Адрес: МОСКВА, Центр, ГОСМЕДТОРГПРОМ, Отд. посылок № 7.

САМОУЧИТЕЛИ



ПО НОТНО-ЦИФРОВОЙ СИСТЕМЕ

ДЛЯ БАЯНА
Орланский-Титаренко, для разных систем. Ц. 3 р.

ДЛЯ ГАРМОНИИ 3-РЯДН.
Орланский-Титаренко, с новейшими пьесами. Ц. 1 р. 50 к.

ДЛЯ БАЛАЛАЙКИ
К. Исаков (по цифров. системе) Ц. 75 к.

ДЛЯ МАНДОЛИНЫ
К. Исаков. Нов. самоучитель с 47 пьесами. Ц. 1 р. 50 к.
К. Исаков. 15 альбомов для манд. с последн. новинками. За альбом от 1 р. до 1 р. 50 к.

ДЛЯ ГИТАРЫ
А. Фишер (по цифровой сист.) с 22 нов. пьес. Ц. 1 р.
К. Исаков. Новые пьесы Ц. 1 р. 25 к.

Струны и мелк. музык. принадл. для всех инструм., а также **БАЛАЛАЙКИ** в 5, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 20, 25 и 30 р.
ГИТАРЫ в 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р.
МАНДОЛИНЫ в 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р.

Высыл. налож. плат. до 5 р. без задат. Перес. за счет заказчика. Заказы направ. по адресу:

НОТНЫЙ СКЛАД
ЛЕОН ВАЛЯЩИК
Ленинград, Гостин. двор, 12.

ВСЕМ и ВСЕ

ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ

— ВЫСЫЛАЕТ —

БЮРО СНАБЖЕНИЯ ПОЧТОВЫМИ ПОСЫЛКАМИ

без задатка, наложенным платежом: **школьные, канцелярские принадлежности,** галантерею и **трикотаж, ВСЕ ДЛЯ СПОРТА, РАДИО, охотничьи принадлежности,** все для фотографии, **МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ, КЛУБНЫЕ ИГРЫ** (шахматы, шашки и др.), **карманные электр. фонари, ЧАСЫ-ХОДИКИ,** велочасти, прорезиненные пальто, примус, самовары и друг. предметы широкого потребления.

Требуйте иллюстрированный КАТАЛОГ. ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНО.

Адрес; **Москва,** Главн. почтамт, почт. ящик № 1215, или **Москва, 9, Газетный пер. № 5 Бюро снабжения Почтовыми посылками.** Для телегр.: **ПОСЫЛСНАБЖЕНИЕ.**

Кто хочет сделаться хорошим оратором, тот должен выписать новую книгу: „**Ораторское искусство**". С приложением: „**Искусство спорить и острить**". Составл. по сочин. проф. **З. Гейслера, З. Фрейда, Р. Герлинга** и др. Высыл. по получении 1 р. 20 к. или наложен. плат. на 1 р. 35 к. Адрес: г. **Пенза**, абонементный ящ. № 30 (тридцатый), издателю **Г. Д. Давыдову.**

35 ЛЕТ ИЗВЕСТНО ВСЕМ, ЧТО

РЕЙНГЕРЦА

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ

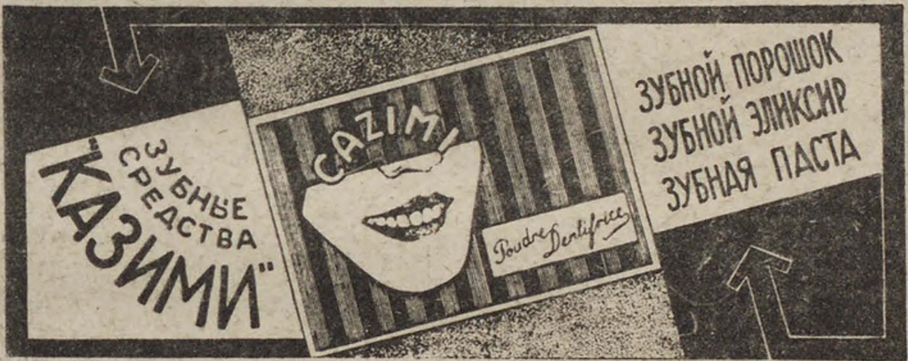
УНИЧТОЖАЕТ МОЗОЛИ И БОРОДАВКИ С КОРНЕМ.

Остер. подделок! **ПРОД. ВЕЗДЕ**

Рейнгерц. Ленингр., Карповка 23.

„ПОРТНОЙ" Первый художеств. **альбом-Учебник** шитья дамск. и мужск. платья. Сист. **Катун**, с 320 рис. на отд. лист. 228 стр. Ц. 4 р. Руководство для **Модного Закройщика**, сист. **Ф. Руссель**, в Париже в II част. Ц. 10 р.

Книги высылаются налож. плат. **12.000** назван. каталог за 30 коп. марк. Заказы и деньги направлять: **Ленинград, пр. Володарского 59-У „НАУКА и ЗНАНИЕ".**



У СЕБЯ ДОМА

каждый может легко приготовить **ПРЕВОСХОДНЫЙ КЕФИР** из **кефирных лепешек** провизора Я. И. Александрова, разрешенных Наркомздравом Р. С. Ф. С. Р. ЛЕНИНГРАД, Саперный, 5, кв. 6 тел. 5-40-92 Пров. **Я. И. Александрову.**

ПРОИЗВОДСТВО МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ГОЛОВИНА

ВЕНСКИЕ 2-х и 3-х рядные и хроматич. гармонии **БАЯНЫ** и ПОЛУБАЯНЫ, ГИТАРЫ, МАНДОЛИНЫ **БАЛАЛАЙКИ**. Требуйте иллюстриров. прейс-кур. за две 8 коп. марки, влож. в конверт. Москва, почт. ящ. № 707 0

ЛЮБУЮ КНИГУ

новую, редкую, распроданн. по технике, медицине, сел.-хоз. и др. вопросам высылает немедленно нал. пл. **Книжн. маг. „НАУКА и ЖИЗНЬ"** **МОСКВА** 19, Воздвиженка, 4/0 (фирма сущ. с 1905 года).

ЛОТО, с 24 карт. в коробке.
ДОМИНО дер. в коробке.
ШАХМАТЫ в коробке.
ШАШКИ в коробке.
ДОСКА для шаш. и шахм., карт.
Высылает почтой немедленно все 5 предмет. с упаков. за 5 руб. При задатке 1 руб.
Механ. произ-во дерев. изд. Ш. ЛЕВИНСОН,
Одесса, ул. К. Маркса, д. 35.

ЛЮБУЮ КНИГУ

русскую как новую, так и старую, высылает налож. платеж. в 3-дневн. срок. Отдел почтовых Отправлений **книжного магазина ВЦСПС.** МОСКВА, Кузнецкий Мост 14.

ПРОИЗВОДСТВО НАРОДНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ВИНОГРАДОВА

Москва, Центр, Бол. Сухаревск. пл. д. 9/4.

ВЕНСКИЕ 2 и 3 рядн. гармонии. **БАЯНЫ** и ПОЛУБАЯНЫ. ЦЕНЫ — ДЕШЕВЛЕ ВСЕХ —

Прейс-курант высылается за две 8 к марк., вложен. в конверт. **Виноградов.**

МОМЕНТАЛЬНЫЙ АВТОМАТИЧЕСКИЙ СЧЕТЧИК

(усовершенствованный)

цена 50 коп.

Доступ. всем без затраты энергии и труда, без наставл. и учебы, дает готов. результ. умножения, деления, вычисления процентов автоматически, с быстротой чтения глаза. Высылается немедл. по получении заказа и 50 к. За пересылку и упаковку — 20 коп., всего 70 коп. (можно марками). Наложенным платежом высылается от 3 руб. Требуйте во всех книжных и писчебумажн. магазинах, а также во всех газетных киосках У. М. К. Заказы и деньги напр. по адресу: **Москва, 11 почтамт. почт. ящ. 1083. Автору А. И. ЦУКЕРШТЕЙНУ** Для Москвы: писчебумажн. маг. **ПУДОБА**—Тверская, № 24.

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

„ДЕСЯТЬ ЛЕТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА"

В сборнике: **А. И. Рыков, Ф. Ф. Раскольников, В. В. Шмидт, А. П. Серебровский, В. П. Милютин, Ю. А. Ларин, А. Н. Бах, А. В. Луначарский, Б. Е. Штейн, Я. Х. Петерс, С. С. Каменев, Мих. Кольцов** и друг.

Сборник подводит итоги достижений во всех отраслях народной жизни и является ценным руководством для изучения советской страны.

Сборник выйдет в сентябре. Размер – 25 печатных листов. Цена по подписке, в перепл. (1-е изд.) — 2 р. В хорошем коленкоровым переплете (2-е изд.) — 2 р. 50 к.

Заказы направлять—Москва 9, Тверской бульвар 26.
Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК"

„СПУТНИК ЧЕРТЕЖНИКА"

общедоступн. энциклопедия черчения для справок и самообучения.

Сост. **П. И. Межеричером.**

В энциклопед. 10 вып. (около 800 стр. и 750 клише).

Каждый выпуск содержит самостоят. отдел. Ц. за все издание с перес.— 12 руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА

при заказе—3 рубля, при получении каждого из первых 9 выпусков по 1 руб., 10-й выпуск высыл. открыто. С 10 вып. бесплатно высыл. папка для хранения всех выпусков.

Заказы и деньги адресовать: **Ленинград. Ковенский пер., 2, Академическому Издательству.**

Биллиардный мастер А. К. ФАЛИН
Ленинград, Чернышев п., 20. Т 169-30.

Тариф об'явлений в «ОГОНЬКЕ»: 1 страница—1500 р., 1 строка нонпарели—2 р. 50 к. Сверх тарифа налог 10%

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНИЕ

„ГОТОВЬСЯ в ВУЗ“

ПОСОБИЕ по ПОДГОТОВКЕ в ВЫСШ. УЧЕБН. ЗАВЕДЕНИЯ
в ПРОГРАММУ ИЗДАНИЯ ВКЛЮЧЕНЫ СЛЕДУЮЩ. ПРЕДМ.:

1) МАТЕМАТИКА, 2) ФИЗИКА, || 3) РУССКИЙ ЯЗЫК, 4) ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ.

КАЖДЫЙ ПОДПИСАВШИЙСЯ на „ГОТОВЬСЯ в ВУЗ“ может подготовиться на дому к испытаниям в любое высшее учебное заведение. Издание рассчитано на лиц, имеющих знания, соответствующие примерно программе школы-семилетки, и содержит в себе все необходимые учебные материалы, требуемые программами испытан. и сведен. об услов. поступлен. в ВУЗ. Все издание „ГОТОВЬСЯ в ВУЗ“ будет состоять из шести книг.

Условия подписки: до 1-го октября 1927 г. об'является ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на все издание 9 рублей.

Допускается рассрочка: при подписке—2 руб., при получении 1-й книги — 2 руб., при получении 2-й книги—2 руб.; при получении 4-й книги—3 руб.; 5-я и 6-я высылаются без доплаты.

С 1-го октября подписная плата будет повышена.

Заказы и денежные переводы направлять по адресу: Москва 19, Воздвиженка, 10/1, изд-ву „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“.

Подписка принимается также в отделениях и магазинах изд-ва: в Ленинграде—ул. Плеханова, 8/10, в Харькове—Шляпный пер., 2, а также во всех почт. предприятиях СССР.

КАЖДЫЙ МОЖЕТ ПРИСЛАВ СВОЮ КАРТОЧКУ ПОЛУЧИТЬ ХУДОЖЕСТВЕН. УВЕЛИЧЕН.

ПОРТРЕТ

в паспарту 18 × 24 — 5 рублей, 24×30—7 руб., 30 × 40—10 руб., 40×50—12 руб., 50×60—20 руб. Ровно через 2 недели по получ. карточки на адрес: МОСКВА, почт. ящ. 503, или ул. Володарского, № 14. Фотография Н. ПРАСОЛОВА. Заказы высыл. налож. платежом.

ПОЧЕРК

МОЖЕТ ИСПРАВИТЬ КАЖДЫЙ СОВЕРШЕННО САМОСТОЯТЕЛЬНО, НЕ ПРИБЕГАЯ К ПОМОЩИ УЧИТЕЛЕЙ

1) по наводным тетрадям, в которых, начиная от палочек и кончая связным письмом, все напечатано слабой голубой краской, поверх которой ученик пишет чернилами. Весь курс в трех тетрадях №№ 1—3 (по 32 стр.) стоит 1 р. 80 к.

2) по руководству Д. А. ПИСАРЕВСКОГО „ИСПРАВЛЕНИЕ ПОЧЕРКА“, в котором дано 60 упражнений со всеми образцами и подробными указаниями о всех правилах красивого письма. Цена книжки (64 стр.) 1 р.

Присылающие деньги вперед за пересылку не платят. Все три тетради вместе с руководством высылаются по получении вперед переводом 2 р. 50 к. или с наложенным платежом на 2 р. 85 к.

3) Для тех, кто помимо исправления почерка желает еще научиться каллиграфическому письму, имеется руководство, содержащее 118 упражнений со всеми образцами „КАЛЛИГРАФИЯ“. Цена 1 р. 20 к., при высылке с налож. платежом—1 р. 50 к. Все пособия вместе (Почерк, Каллиграфия и 3 тетради) высылаются по получении переводом 3 р. 50 к. или с наложенн. платежом на четыре руб.

Заказы и деньги направлять автору: Ленинград, Кирочная ул., д. № 2—10 Д. А. ПИСАРЕВСКОМУ.

ДЕШЕВЫЙ СТОЛ

Настольная поваренная книга для домашних хозяек РАЗНЫХ 300 БЛЮД

Цена с пересылк. 1 р. 10 к. Заказы и деньги направлять: Книжный склад „КНИГОВЕД“, Москва, 19, ул. Герцена 22/к. Высылается наложенным платежом.

СОВРЕМЕННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПЕЧАТАЕТСЯ В УДЕШЕВЛЕННОМ ИЗДАНИИ, В СЕРИИ БОЛЬШИХ РОМАНОВ ПОД ОБЩИМ ЗАГОЛОВКОМ

РОМАН-ГАЗЕТА

В КАЖДОМ НОМЕРЕ ВПОЛНЕ ЗАКОНЧЕННЫЙ РОМАН ИЗВЕСТНОГО РУССКОГО ИЛИ ИНОСТРАННОГО ПИСАТЕЛЯ. ТРЕБУЙТЕ ПОСЛЕДН. НОМЕРА „РОМАН-ГАЗЕТЫ“

№ 5. М. ГОРЬКИЙ—ДЕЛО АРТАМОНОВЫХ
№ 6. С. ГОРОДЕЦКИЙ—АЛЫЙ СМЕРЧ.

Цена каждого романа—25 коп. По подписке—за 12 номеров—2 р. 50 к.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ: ИЗД-ВО „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“ МОСКВА—ЦЕНТР, КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, 7.

НОВИНКА

ТАБЛИЦЫ

для вычисления процентов от 1/4% до 120% (16% вкл.)

Сост. и строго проверено специал. счетов. и банковск. дела З. П. ЕВЗЛИНЫМ

НЕОБХОДИМОЕ ПОСОБИЕ для бухгалт., банковск., налог., финанс., страх., тарифн., коопер. и пр. лиц, ведающих расчетом.

Цена в перепл. 2 р. с перес. 2 р. 20 к., нал. пл. 2 р. 30 к.

Деньги и заказы адресовать: Ленинград, Ковенский пер., 2А „АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО“.

ВНИМАНИЕ!

НОВЫЕ КНИГИ

Д-р КРАНФЕЛЬД—Гипноз и внушение. 1 р., с пер. 1 р. 30 к. Д-р мед. ДРЕКСЛЕР.—Как предохранить себя от беременности не прибегая к аборту. 112 стр. 32 рис. 1 р. 20 к., с пер. 1 р. 50 к. Д-р ЯКОБСОН.—Половая холодность женщины 2 дополн. изд., с 28 рис., 2 р. 25 коп. Г. ГОРЧАКОВ. — Опытный рыболов-любитель и ужение рыбы самодельными снастями, около 100 рис., 1 р. с пер. 1 р. 30 к. Прив.-доц. РУДНИЦКИЙ.—Лечение солнцем — 1 р., с перес. 1 р. 30 к. ФОРЕЛЬ.—Половой вопрос, гигиеническое и соц. исследован. ц. 4 р. ПЕСОЦКИЙ Н.—Полный курс столярного искусства, 407 рисунк. 3 р. 50 к. РЫТОВ.—Русские лекарствен. растения. 2 т. 3 р. ЛАНГСТРОТ.—Пчела и улей. 4 р. БЕМ.—Руковод. железно-дорожн. машиниста. XI изд. 5 р. БОРГМАН.—Выделка по домашней кожи. 3 р. 50 к. НАУМОВ.—Двигатель внутреннего сгорания. 1 р. Требования адресов. Ленинград, пр. Володарского 55/0. Книжному магаз. „ТЕХНИКА и МЕДИЦИНА“.

МИЛЛИОНЫ

ЛЮДЕЙ ПОКУПАЮТ АРОМАТИЧЕСКИЕ ЛЕПЕШКИ „РИЧАРД ВЕРДО“ для моментального приготовления разных наливок, настоек, коньяка и ликеров прекрасного качества, вкуса и аромата

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ!

Цена 30 (тридцать) коп. коробка. Главный склад П. ЗАНЛИН. Ленинград, Колокольная 13.

По первому требованию высылаем ассортимент в количестве не менее 10 коробок наложенным платежом.

ПЕРЕПРОДАВЦАМ СКИДКА.

ПОЖАРЫ и УВЕЧЬЯ

бывают у того, кто не имеет карм. ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ФОНАРЯ ЗАГРАНИЧНОЙ модели.

Высылаем наложенн. платежом. Фонарь с боковым стеклом ц. 4 р., с верхн. стекл. ц. 8 р. Оптов. покупателям особо льготные условия. Адрес: Москва, 51, Выставочный, 21.

ПРОИЗВОДСТВО ФОНАРЕЙ.

ПИСАТЬ и ГОВОРИТЬ

ПРАВИЛЬНО ПО-РУССКИ будете, если приобретете „Новый орфографический словарь“, содержащий 100.000 слов, сомнительных в правописании. Высыл. за три р. 25 к. Адр.: „РУССКО-ИНОСТРАННАЯ КНИГА“ Москва, ул. Герцена, 9/3.

МАГАЗИН „ПИОНЕР“ МАГАЗИН

Изд-во ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Тверская 37. Тел. 3-04-44.

К ЛЕТНЕМУ СЕЗОНУ ВСЕ для СПОРТА для ПИОНЕРОВ

СПОРТИВНЫЕ и ПИОНЕРСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ и СНАРЯЖЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРА, ЗНАЧКИ и проч. Палатки рабоч., санитарн., лесные и пионерские

Полный катал. выс. за 8-коп. марку.

ВЫПИСЫВАЙТЕ БЕЗ РИСКА МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ЦЕНЫ и КАЧЕСТВО ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ.

Балалайки 5.50, 7.25, 9.30 и 12 р.

Гитары 15.50, 19, 22.50, 26.50 и 30 р.

Мандолины 15, 19, 22, 25 р.

БЮРО „Почто-посылка“ Москва, Покровка 16/32

ГАРМОНИИ 32, 50, 60, 75, 85 и дороже.

ТРЕБУЙТЕ СМЕТЫ НА СТРУННЫЕ ОРКЕСТРЫ.

Треб. за две 8-к. марки, влож. в конверт, полн. иллюстр. пр.-кур. с бесплатн. прил. „История муз. инстр., их прошлое и совр. значен.“, пр.-доц. С. Чемоданова, и стен. табель-календарь.

Вышел из печати и поступил в продажу НОВЫЙ ВЫПУСК МОДНОГО ЖУРНАЛА

Моды Сезона

Выпуск второй—ОСЕНЬ. СЕЗОН 1928 г.

Женское верхнее платье последних европейск. фасонов. Платья. Блузы. Юбки. Белье. Капоты. Детские костюмы и верхнее платье. Шляпы и новейшие мелочи женского туалета. Мужская страница.

РИСУНКИ—КРАСОЧНЫЕ. ОБЛОЖКА — ЦВЕТНАЯ.

Продается у всех газетчиков, в киосках, на ст. жел. дор. и во всех модных магазинах.

Цена отдельного номера—1 р. 50 к.

Требования адресовать: Москва 9, Тверской бул. 26, Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК“.

ГИТАРЫ в 13, 16, 18, 20, 25, 30, 40, 50 и 60 руб.
БАЛАЛАЙКИ в 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 20 и 25 руб.
МАНДОЛИНЫ в 12, 15, 18, 21, 24, 27, 30, 35, 40, 45 и 50 руб.

ГАРМОНИИ 2-ряд. Полувенки—23, 28 руб. Венские—30, 38, 42, 48, 55, 65, 75, 85, 95, 105 и 125 руб. Указывайте русский или немецкий строй. Однорядные от 10 руб. до 75 руб. БАЯНЫ в 200, 220, 250, 300 и 350 руб.

Заказчику предоставляется право обмена полученного инструмента или получение обратно денег. Подробные условия в прейс-куранте. Заказы до 25 руб. высылаются налож. платеж. без задатка. Свыше 25 р. высыл. по получ. 1/3 стоимости с налож. платеж. на оставш. сумму. Иллюстрир. прейскурант высыл. за две 8-к. марки В. С. ГОЛОВИН МОСКВА 17. Пятницкая, д. 5/0

Фирма отделений не имеет.

ПРИЕМ ОБ'ЯВЛЕН. ВО ВСЕ ПРОВИНЦ. ГАЗЕТЫ С.С.С.Р.

Бюро иногородн. об'явлений Акц. Изд. О-ва „ОГОНЕК“ Москва, 9. Тверской бульв. 26, тел. 3-91-48. Ленинград—Просп. 25 Октября, тел. 5-26-09.

ПОЛЬЗА об'явлений в «ОГОНЬКЕ» ГАРАНТИРОВАНА исключительным тиражом журнала